ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (3229) Четверг, 15 апреля 1954 г. Цена 40 коп.

Весна на Волге

У истоков

Маленький ручеек, покрытый льдом... Здесь, вблизи деревни Волговерховье, из родника, по деревянным трубам начинает свой путь великая Волга.

Погода еще холодная, солнечные дни сменяются дождями, снегом. Но в полях, на возвышенных местах, откуда солнце согнало снег, колхозники артели «Волга» начали первые весенние полевые работы.

Невдалеке отсюда находится усадьба Заозерной МТС. Ее работники готовятся к выходу в поле. Вот что рассказывает директор МТС П. Базаров, назначенный сюда четыре месяца назад.

— Дела нашей МТС круто изменились после сентябрьского Пленума ЦК партии. Много пришло к нам людей, которые хотят и умеют работать. В результате подготовились мы к севу значительно лучше, чем в прошлые годы; почти весь тракторный парк готов к выходу в поле. Две тракторные бригады уже отправились в колхозы, скоро выйдут на поля и остальные. Мы дали слово добросовестно выполнить договоры со всеми 25 колхозами своей зоны, весенний сев всюду провести в лучшие сроки, а картофель, в основном, посадить квадратно-гнездовым способом.

ОСТАШКОВСКИЙ РАЙОН, Калининской области. (Наш корр.)

Самолеты над полями

Пришла весна в костромские края. Приволжские поля освободились от снега. Поймы великой реки затоплены полыми водами. Притоки Волги уже вскрылись. Правда, напор воды пыне невелик; река еще подо льдом.

Другая примета весны: над полями появились самолеты. Они проводят подкормку озимых минеральными удобрениями. Во многих колхозах идет сев клевера. Расширяется тепличко-парниковое хозяйство, посажены огурцы и редис.

Приволжские колхозы в нынешнем году поднимают тысячи гектаров целинных и залежных земель. На эти земли выходят машины. В колхозе «Львовод» Сусанинского района уже срезаны кусты на площади в семнадцать гектаров. Всего по области будет освоено 43,7 тысячи гектаров новых земель.

Горожане помогают колхозникам и механизаторам в выполнении этого плана. В колхозы выехали на постоянную работу 160 инженеров, более тысячи агрономов и зоотехников, сотни трактористов.

КОСТРОМА. (Наш корр.)

Новости навигации

По широко разлившейся реке медленно плывет лед. Скоро загудят пароходные гудки. В ожидании навигации пароходы и теплоходы стоят в затонах. Во второй декаде апреля первые суда выйдут из Горького вниз по Волге.

Тысячи людей привлекают, как известно, транзитные линии Москва—Ростов и Москва—Астрахань. Особой популярностью среди пассажиров пользуется путешествие из Москвы в Ростов-на-Дону. Для обслуживания этой линии выделены лучшие суда, среди них восемь пассажирских дизельэлектроходов типа электрохода «Россия». Учитывая рост туризма, пароходство с начала навигации выделило четыре пассажирских теплохода и для линии Москва—Астрахань.

Что нового будет на старых линиях? Между Горьким и Астраханью, Ярославлем и Астраханью, а также на пригородных линиях будет увеличено число остановок. Это позволит полнее удовлетворить запросы пассажиров и увеличить одновременно приток продуктов на колхозные рынки городов Поволжья. На местных и пригородных линиях снижается стоимость пассажирских билетов.

Работники речного транспорта должны в эту навигацию быстрее перевозить продукты питания и товары народного потребления.

ГОРЬКИЙ. (Наш корр.)

Вал у Казани

Под Казанью произошла первая подвижка льда. Скоро Волга разольется на многие километры. Но она не сможет уже прорваться в район строительства нового порта. Земснаряды намыли здесь в тело дамбы волнолома около двух миллионов кубометров земли. Успешно сооружается стальная причальная стенка, мощные паровые копры забили уже свыше 1800 тонн многометровых стальных шпунтин.

Паводковые воды остановятся и перед готовыми участками Казанского вала — мощного сооружения, которое должно защитить город от вод будущего Куйбышевского моря. Готова Федосеевская дамба, намываются Кремлевская, две заречеиские, а также портовая дамбы.

КАЗАНЬ. (Наш корр.)

В ожидании паводка

Еще стоит пасмурная погода, по ночам иногда морозит, валит густой снег. И все же чувствуется весна. В приволжских зарослях вот-вот зацветет распустившаяся на пригреве верба. Вскрываются малые волжские притоки.

Но сама Волга еще неподвижна. Чтобы сломать ее ледяной панцырь, нужна большая, могучая вода.

В Поволжье наступила пора бездорожья, распутицы. Развезло, раскисло и на площадке Куйбышевской гидроэлектростанции. Но на всех главных участках стройки — в котловане, строящемся под здание станции, на водосливной плотине, на судоходных шлюзах — работа идет полным ходом. В текущем году надо уложить в главные сооружения гидроузла свыше двух миллионов кубометров бетона, вынуть и переместить около тридцати пяти миллионов кубометров грунта. А главное — работать равномерно, без рывков и спадов.

Строители дели слово выполнить этот план досрочно и с наименьшими затратами средств.

КУЙБЫШЕВ. (Наш корр.)

Дорога через реку

В один из прошлых воскресных дней, в полдень, над рекой раздался сильный треск. Лед нехотя двинулся, раскололся и поплыл по течению.

Тщательно готовились к ледоходу строители Сталинградской гидроэлектростанции. Прошлой весной они выдержали суровое испытание: ледоход грозил разрушить котлован гидростанции, сооруженный почти в центре реки. Теперь котлован защищен каменным барьером и шпунтовой стеной.

Изменился пейзаж Волги у Сталинграда. Через реку с правого берега на левый протянулись нити электрических проводов. По ним поступает ток на строительство гидростанции. А перед самым ледоходом через реку были переброшены еше 24 каната подвесной дороги. Скоро по ней двинутся в котлован вагонетки с песком, камнем и цементом. Землесосы намывают у левого берега земляной вал. В образовавшейся бухте сооружается порт гидростанции.

Вдоль луговой стороны Волги — от Сталинграда до Саратова — работают научные экспедиции. Пройдет еще несколько лет, и перед плотиной гидростанции разольется сталинградское водохранилище. На его дне находится сейчас немало сел и хуторов. Экспедиции составляют проекты их переселения на новые места.

В Заволжье по лежалой земле, сбрасывающей с себя снежный покров, поползли тракторы. Поднимается целина. В этом году здесь будет запахано более 130 тысяч гектаров целинных и залежных земель.

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

Суда выходят в море

Суровой и затяжной была в этом году зима на Нижней Волге и Северном Каспии. Льды распространились далеко на юг—до Апшеронского полуострова.

Первая декада апреля изменила картину. Сегодня по необозримым просторам волжской дельты широко и уверенно шагает весна. Ледоколы взломали лед, и сотни парусных и моторных судов направились к местам лова. Вести о хороших уловах приходят из разных районов. Вступили в действие речные механизированные тони.

Начался вывод флота в море. Пароходы и буксиры ведут караваны рыбацких судов. У западного побережья Среднего Каспия собираются сейнеры для промысла сельди. Вскоре начнется вывод на участки лова плавучих рыбозаводов и рыбоморозильных баз.

Вышел в ледовый рейс вверх, к Сталинграду, ледокол «Волга». Ему приходится разбивать лед, толщина которого доходит в отдельных случаях до метра. Полностью готовы к навигации пароходы, теплоходы, танкеры, баржи.

13 апреля на Каспии поднят флаг навигации. В первый рейс из Баку в Астрахань отправился теплоход «Азербайджан».

АСТРАХАНЬ. (Наш корр.)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА

Новый председатель

Совсем недавно мне пришлось побывать в одном из отсталых колхозов на Днепропетровщине и беседовать с его новым председателем. Хмурясь, вспоминая всех чертей и всех бывших председателей, он перечислял свои беды, беды колхоза. Низкий трудодень. Бескормица на фермах. Жалкие рубли на текущем счету...

— Да ежегодно новый председатель,— прибавил я.

— И это, пожалуй, главная беда!— отозвался мой собеседник.

По всему было видно, что этот товарищ не принадлежит к категории «председателей-сезонников». Занял он свое председательское место неторопливо, но крепко. Полон энергии и решимости поднять колхоз. Меня интересовало: с чего же он начнет?

— Я понимаю,— рассуждал новый председатель,— что следует пойти к людям и сказать им: давайте поработаем дружно, честно, и сами увидите — в конце года наш трудодень увеличится вдвое, втрое. И это будет только началом... Но ведь и все прежние председатели — в том числе нерадивые «сезонники» — тоже начинали с таких разговоров да обещаний. Жди конца года... А мне надо, чтоб люди сегодня горячо взялись за дело, чтоб сегодня поверили в трудодень.

До позднего вечера новый председатель совещался о чем-то с бухгалтером, прикидывал, щелкал костяшками счетов. Утром он сообщил:

— Кое-что придумали. Подкормим и продадим свиней. Из этих денег весной, в разгар работы, выдадим денежный аванс на выработанные трудодни. Небольшой, правда, аванс, но выдадим. А затем попозже, во время уборки, еще раз... Неплохо будет, правда? Эх,— вздохнул председатель,— иметь бы сейчас миллион на текущем счету да ежемесячно авансировать колхозников в счет выработанных трудодней. Вот тогда сослужил бы нам трудодень великую службу. Но это пока мечта.

В те дни в колхоз прибыли газеты с решениями февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, и мне особенно врезалось в память то место, где говорится о роли председателя колхоза. «Факты показывают: если на руководство колхозом выдвигается деятельный и инициативный председатель, знающий свое дело и умеющий организовать массы, самое отсталое хозяйство в течение двух-трех лет становится передовым, а колхозники получают на трудодень высокие доходы. В таких колхозах правильно сочетаются государственные, общенародные интересы с интересами колхозов и колхозников».

Я мысленно решил: через два-три года приеду снова в этот колхоз. Какие перемены здесь произойдут?

Когда об этом возник разговор в Киеве, один товарищ, сведущий в вопросах сельского хозяйства республики, посоветовал мне:

— Хотите увидеть, что можно сделать в отсталом колхозе за два-три года? Поезжайте к Цыбенко.

Я поехал в колхоз «Большевик» Шосткинского района, Сумской области. Район этот расположен в крайней северо-восточной части украинского Полесья. Почвы здесь супесчаные, бедные. О могучих черноземах местные хлеборобы знают только понаслышке.

Пятьдесят копеек деньгами да полкилограмма хлеба на трудодень — этих двух цифр, пожалуй, достаточно для того, чтобы представить, каким было хозяйство артели в 1950 году, до того, как председателем колхоза избрали опытного агронома, работника Министерства сельского хозяйства республики Константина Остаповича Цыбенко. Он был седьмым председателем за послевоенные годы...

Знакомясь с людьми, вникая в дела, Цыбенко, как и каждый новый руководитель, решал нелегкий вопрос: с чего начать?

И он начал: в хозяйстве — с ломки шаблонной агротехники, в работе с людьми — с трудодня.

В первую весну Цыбенко столкнулся с большими трудностями. Нельзя сказать, что дисциплина в колхозе была совсем расшатана, но люди работали без огонька. В базарные дни в бригадах и звеньях чувствовалось смятение. Что давал базар? Копейку. Но это, как говорили здесь, была живая копейка. Вот тогда новый председатель и задумался о живой, то есть сегодняшней, копейке, вернее, о рубле, которым можно было бы повысить материальную заинтересованность колхозников, поощрить их, укрепить авторитет трудодня.

Пришлось крепко поскрести в колхозных амбарах, в колхозной кассе, но зато весной, в горячую пору, выдали небольшой аванс зерном и деньгами. Потом еще раз авансировали — летом, во время уборки. Новшество понравилось всем.

В 1952 году денежные авансы были выданы уже шесть раз. Базарная копейка была окончательно посрамлена. Ее затмил колхозный рубль.

Десятки людей приезжают в колхоз «Большевик» ознакомиться с порядком выдачи авансов. Велик интерес к этому новому и важному делу. Главный бухгалтер Иван Демьянович Фролов рассказывает об итогах минувшего года, о том, как по-новому финансируются колхозники.

По решению правления,— это решение было одобрено общим собранием колхозников,— в первом квартале авансов не выдавали. И вот почему: во-первых, только что произвели окончательный расчет за 1952 год, в котором трудодень уже превысил 5 рублей деньгами (кроме натуральной оплаты), а во-вторых, поступления доходов в колхозную кассу зимой пока еще ограничены. Авансировать начали со второго квартала. В апреле выдали на каждый выработанный трудодень по полтора рубля, в мае — 2 рубля, в июне — 3, в июле — 4, в августе — 5, в сентябре — 6 рублей. И так месяц за месяцем.

Эти цифры свидетельствуют не только о росте колхозных доходов. Главное заключается в том, что председатель и правление артели умело использовали материальный стимул, увеличивая авансы по мере того, как возрастал объем работ. В некоторые месяцы общая сумма авансов составляла четверть миллиона рублей. Многие семьи получили авансом по тысяче рублей в месяц. А в среднем на каждого трудоспособного приходилось до четырехсот рублей.

В свете этих цифр особый смысл приобретает диаграмма, которую можно увидеть в правлении колхоза: в 1950 году каждый трудоспособный выработал в среднем 346 трудодней, а в 1953 году — 456. На 110 трудоднеи больше!

В колхозе «Большевик» охотно расскажут вам характерные житейские истории. Вот, к примеру, недавно одна девушка вышла замуж за парня из соседней деревни. Посудили, порядили молодые и решили жить в колхозе «Большевик». У жениха, видите ли, колхоз отсталый, доходы там неизмеримо меньше. В 1950 году предлагали колхозникам этой артели объединиться с «Большевиком». Те не захотели. А теперь жалеют.

Без инициативы — какое же это руководство?

В семи колхозах Шосткинского района в минувшем году уже ввели (ежеквартальные пока) денежные авансы. Но еще нередко можно услышать и такое: «Хорошо Цыбенко! У него годовой доход перевалил за пять миллионов. Есть из чего авансы выдавать».

Те, кто говорит так, забывают, что эти пять миллионов не свалились с неба, что еще совсем недавно доходы колхоза «Большевик» были в три и в пять раз меньше.

В каждом колхозе есть доходная культура или отрасль хозяйства, развивая которые, можно быстро укрепить финансовое положение. В одном колхозе — это лен, в другом — сахарная свекла, в третьем — хлопок, в четвертом — животноводство.

В колхозе «Большевик» такая культура — южная конопля. Коноплю в этих местах сеют давно, но урожаи во многих хозяйствах низкие, и, следовательно, малы доходы. Как агроном, тов. Цыбенко прекрасно понимает значение конопли. Только повысив урожаи этой культуры, можно было добиться значительных успехов. Этому мешали неправильные агротехнические указания, ставшие подлинными оковами для коноплеводов. Цыбенко обратился к опыту прошлых лет. Трижды собирал он стариков, совещался с ними о сроках сева, о способах удобрения. Кое-кто иронически улыбался: опытный, мол, агроном, а к дедовской агротехнике на поклон идет. Но жизнь высмеяла этих кабинетных агрономов, живущих по бумажке и игнорировавших народный опыт. А опыт подсказывал: основная причина низких урожаев конопли — слишком ранние сроки сева. Не в апреле надо сеять ее, а в конце мая и даже в начале июня.

Советы местных знатоков подтвердили выводы агронома. Однако деды не без лукавства допытывались:

— А что, так и будет, как порешили? Будем сеять в нужные сроки?

— Только в нужные сроки! — твердо отвечал Цыбенко.

Деды посмеивались: «Прыткий! Подожди, приедут уполномоченные, станет звонить начальство — сей и баста! Сводку надо закруглять на сто... Иначе нарушитель и срывщик ты, и все такое прочее».

Так оно и было. Шумели уполномоченные. Сердилось и угрожало областное начальство: вы отвечаете головой! Приехали ученые из Глуховского института лубяных культур. Это их агротехнические указания нарушал Цыбенко. Но он настоял на своем. Высокий урожай показал, кто был прав. Вот уже третий год в колхозе «Большевик» собирают втрое, вчетверо больший урожай конопли, чем в прежние годы. И волокно длиннее и качество выше. В 1953 году конопля дала колхозу четыре миллиона рублей дохода.

Цыбенко вместе с опытниками разработал агротехнику возделывания озимой пшеницы. Озимую пшеницу в Полесье сеять не рекомендовали, ее не планировали. Достаточно сказать, что во всем Шосткинском районе в 1950 году было засеяно всего 70 гектаров.

Пшеница, посеянная, по настоянию Цыбенко, на хорошо подготовленной и удобренной почве, удивила всех: собран стопудовый урожай на бедных полесских землях! А в 1952 году на многих участках получили по 120 и больше пудов. В прошлом — неблагоприятном — году урожай снизился, но все же озимая пшеница родила в два раза больше, чем рожь и яровая пшеница. Теперь в колхозе «Большевик» засеяно озимой пшеницей 450 гектаров. Вслед за «Большевиком» оценили и полюбили пшеницу в других колхозах. Сейчас почти 50 процентов всего озимого клина в районе занимает эта ценнейшая зерновая культура.

Пришлось повоевать Цыбенко и за кукурузу. К ней в Сумах (как и во многих еще местах) относились с пренебрежением и деды и бывшие руководители области. Первое, что увидел Цыбенко три года назад, это был забуряненный участок кукурузы. Кукурузу пришлось скосить на силос. А в 1953 году такой же пятигектарный участок дал по 50 центнеров зерна. Вот вам и Полесье! Теперь в колхозе планируют засеять кукурузой 30 гектаров и собрать по 80 центнеров зерна. Здесь решили догнать лучших мастеров высоких урожаев кукурузы, которыми славится Днепропетровщина.

Без удобрений бедные, бесструктурные почвы Полесья хорошего урожая не дадут. И вот в колхозе «Большевик» стали вывозить на поля много навоза, торфа и минеральных удобрений. Но есть еще одно замечательное средство обогащения почвы — люпин, могучий азотособиратель. Недаром люпин называют зеленым удобрением.

Немало говорят на Полесье о люпине, но по-настоящему его еще не внедряют. Цыбенко взялся за люпин. Из урожая прошлого года колхоз «Большевик» дал семена люпина не только многим колхозам своей области, но и других областей. За семенами приезжали сюда из Белоруссии, из Брянска и Курска, о семенах пишут из Подмосковья, телеграфируют из далекого Кемерово.

Рассказывая обо всем этом, Цыбенко снова возвращается к вопросу, который особенно волнует его, как и многих других работников сельского хозяйства.

— От председателя колхоза, от агронома требуют — добейтесь высокого урожая. Это правильно. Требуют и еще больше будут требовать. Но дайте же возможность тому председателю, тому агроному проявить инициативу, дайте возможность применять агротехнику творчески, исходя из местных — почвенных и климатических — условий, а не по всеобщему шаблону. Без инициативы, без самодеятельности, какое же это руководство?

Об этом мы говорили с секретарем Шосткинского райкома партии Серафимом Федоровичем Белокуром.

Упоминались дела прошлогодние, позапрошлогодние... Хотелось думать, что теперь, после решений Пленума ЦК КПСС, когда идет ломка всего закостенелого, рутинного, бездушному шаблону уже нет места. Я не успел высказать эту свою мысль. Секретарь райкома показал телеграмму из области, в которой строго-настрого предписывалось немедленно приступить к подкормке озимых. Это было 15 марта. На полях Шосткинского и соседних районов еще сплошным покровом лежал снег. Ни о какой подкормке и речи не могло быть. Но в Сумах снег растаял. В южных районах области поля обнажились еще в начале марта. Там указание о подкормке следовало, пожалуй, дать раньше. Но строгая начальственная телеграмма стригла всех под одну гребенку.

„Дело идет, и трудодень идет“

В километре от селения — фермы. Цыбенко залюбовался длинной цепочкой саней, темнеющих на снежной дороге. Это везли торф и навоз в поле.

— Возим. Изо дня в день. С утра и до ночи.

Остановил девушку, идущую рядом с лошадьми.

— Что, Дуня? И в этом году удвоишь трудодень?

Девушка только улыбнулась в ответ. Когда сани проехали, Цыбенко объяснил. Девушку зовут Евдокия Оснач, это лучшая звеньевая. Вместе с дополнительной оплатой за высокий урожай конопли члены ее звена получили по 19 рублей на трудодень. Почти вдвое больше, чем вышло на трудодень в среднем по колхозу. Легко согласиться с выводом председателя, что такой пример хорошо помогает агитировать за высокий урожай.

Осматривая хозяйство, Цыбенко не пропускал ни одного встречного. С каждым он успевал обменяться словом. Порой с шуткой-прибауткой, а порой с укором и сердитым замечанием. На строительной площадке Цыбенко остановил бригадира первой бригады Ефима Науменко, поинтересовался его делами. Бригадир с видимым удовольствием сообщил, что сегодня восемьдесят человек из бригады получили наряд на работы. И это в обычный, можно сказать, зимний еще день. Одни вывозят удобрения, другие заготовляют торф, третьи рубят и возят лозу, жерди, необходимые для мелиоративных работ на лугу, четвертые здесь, на строительстве...

— Значит, дело идет? — спросил председатель.

— Дело идет, и трудодень идет, — засмеялся бригадир.

Цыбенко покосился на него:

— Гляди, Ефим Конратьевич. Уж больно сам ты доволен. Не успокоился ли ты, брат, на сегодняшнем?

Когда мы возвращались в селенье, председатель вспомнил об этом разговоре.

— Есть у нас в колхозе и такие люди, — покачал он головой. — Чуть-чуть поднялся колхоз — хватит. Довольны, мол, и этим. С таким настроением наши планы повиснут в воздухе. А планы у нас на этот год большие. Одиннадцать миллионов рублей дохода. Это значит четыре тысячи четыреста рублей дохода с каждого гектара пашни.

***

Нынешний год в нашем сельском хозяйстве поистине большой год.

Люди колхоза «Большевик» хотят в этом году добиться новых успехов во всех отраслях общественного хозяйства. И это будет еще одним свидетельством того, как много можно сделать — за короткий срок! — в колхозе, который совсем недавно был в числе экономически слабых и отсталых. Это будет еще одним свидетельством того, как много зависит от умелого и инициативного руководителя, глубоко понимающего и государственные, общенародные интересы и великое значение трудодня. Недаром на Пленуме ЦК КПСС председатель колхоза был назван центральной фигурой в колхозном производстве.

С. ЖУРАХОВИЧ

ШОСТКИНСКИЙ РАЙОН Сумской области

Международные отклики

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ ДАЛЛЕСА

Рис. Бор. Ефимова

11 апреля Даллес прилетел в Лондон. Через два дня он покинул столицу Англии и прибыл в Париж.

«Я подчеркиваю, что это миссия мира на основе силы»,— провозгласил сам Даллес в день отъезда из Вашингтона. Знакомая мелодия, очередная вариация излюбленной американской дипломатией темы «политика с позиции силы»! Что же касается «мирного» аккомпанемента, то не случайно некоторые английские газеты в связи с нынешним визитом Даллеса вспоминали о его поездке в Корею летом 1950 года, накануне начала там войны. «Миссия мира» Даллеса и на этот раз носит зловещий характер. Только сейчас речь идет не о Корее...

Нашим читателям уже известно из сообщений, появившихся в центральных газетах, какие причины побудили государственного секретаря США предпринять столь поспешную поездку в Европу за две недели до открытия Женевского совещания. Расскажем, что произошло в Лондоне после отъезда Даллеса. Ветер, посеянный им, вызвал бурю даже в английской палате общин. Позавчера, то есть в день отъезда Даллеса из Лондона, министр иностранных дел Иден зачитал в палате общин совместное коммюнике, принятое после переговоров с государственным секретарем США. Из текста этого коммюнике явствует, что Англия согласилась «рассмотреть с другими заинтересованными странами» проект военного союза наподобие Северо-атлантического пакта для Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана.

Когда Иден заявил, что США и Англия готовы изучить возможности «коллективной обороны» в Юго-Восточной Азии, со скамей лейбористов раздались громкие возгласы: «Позор», «Новая Корея». Криками «Чушь» встретила оппозиция заявление Идена о том, что перспективы создания «единства оборонительных целей» способствовали бы установлению почетного мира в Индо-Китае. Под аплодисменты лейбористов член палаты общин Бивен спросил: «Известно ли Идену, что сделанное им заявление вызовет глубокое негодование большинства народа Великобритании? Известно ли ему также, что оно будет повсеместно расценено, как уступка американскому нажиму? Его можно истолковать так, что мы будет помогать созданию НАТО (Северо-атлантический договор.— Лит.) в Юго-Восточной Азии с целью навязывания» колониального правления некоторым народам в этом районе. А бывший министр обороны Шинуэлл выразил надежду на то, что Иден «не свяжет палату или страну каким-либо неприемлемым планом».

Драматические моменты, которыми изобиловало заседание палаты общин 13 апреля, ясно показывают, какова реакция некоторых общественных кругов Англии на американские попытки связать западным державам руки перед Женевским совещанием и добиться расширения войны в Индо-Китае.

Вернемся, однако, к истории коммюнике, принятого в Лондоне. Напомним, что за несколько дней до поездки Даллеса Соединенные Штаты предложили Англии, Франции и ряду других своих «союзников» опубликовать декларацию, в которой содержалось бы ультимативное «предупреждение» в адрес Китайской Народной Республики против «вмешательства» в войну в Индо-Китае. Ультиматум должен был пригрозить Китаю «объединенными действиями» против него с применением любых средств.

Расчет американских милитаристов несложен. Подписав такую декларацию, Англия, Франция и другие страны оказались бы связанными обязательством предпринять «объединенные действия» в Индо-Китае, а также против Китайской Народной Республики по первому требованию Соединенных Штатов. Это облегчило бы Вашингтону осуществление вооруженной интервенции против вьетнамского народа. И уж, конечно, провокационное «предупреждение» в адрес Китая накануне Женевского совещания никак не содействовало бы его успеху.

Однако расчеты Даллеса не оправдались. Американский план расширения войны в Индо-Китае вызвал негодование среди широчайших слоев демократической общественности во всем мире, особенно в Азии. После заседания английского правительства, обсуждавшего американское предложение, газета «Таймс» писала, что «в Лондоне не разделяют убеждения» в необходимости «совместного предупреждения» в адрес Китая. «В Париже ни в коем случае не хотят поставить под вопрос возможные результаты Женевского совещания путем грубого ультиматума Китаю»,— сообщал парижский корреспондент западногерманской буржуазной газеты «Индустри курир».

Рядовые же французы и англичане, которые убеждены в том, что Женева дает возможность вести переговоры об урегулировании в Индо-Китае, признавала газета «Нью-Йорк таймс», «выражают гневное возмущение резкой позицией, занятой Соединенными Штатами... и препятствующей этой возможности».

В Вашингтоне увидели, что американской дипломатии грозит крупный провал в ответственнейший период подготовки к Женевскому совещанию. Надо было спасать положение. И Даллес поспешил на аэродром. Перед отъездом он заявил корреспондентам, что между союзниками «требуется полное понимание». «Предполагается, — добавил второпях Даллес, — что это понимание будет обеспечено, если я лично отправлюсь в Лондон для переговоров с британским правительством и поеду в Париж для бесед с французским правительством...»

О том, какими методами государственный секретарь хотел обеспечить «полное понимание» Англией и Францией его плана, газета «Гамбургер эхо» сообщила прямо и ясно: «Даллес намерен подавить проявившееся там сопротивление», в частности путем «угрозы прекратить американскую помощь западноевропейским странам».

Широко комментируя итоги переговоров Даллеса в Лондоне, западная печать вынуждена констатировать наличие углубляющихся противоречий между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Французская газета «Попюлер де Пари», сетуя на методы диктата и угроз, применяемые Вашингтоном, писала: «Говорить о тех или иных репрессиях в отношениях между союзниками — значит пренебрегать общей дружбой. Подлинное согласие не может существовать, если один из них старается навязать другим свою точку зрения».

Кстати сказать, Даллес не случайно направился для переговоров сначала в Лондон, а затем уже в Париж. Он полагал, что в Лондоне скорее добьется «полного понимания», после чего можно будет с успехом нажать на Францию согласованным англо-американским решением.

Но и в этом государственный секретарь США явно просчитался. По учтивому выражению дипломатического обозревателя газеты «Дейли миррор», «Иден отговорил Даллеса от осуществления его плана пригрозить Китаю «объединенными действиями» до начала Женевского совещания». И Даллесу пришлось отказаться от первоначальной позиции и удовольствоваться, в конце концов, английскими обещаниями, содержащимися в совместном коммюнике. А какой оно вызвало резонанс, мы уже писали выше.

...«Миссия мира» г-на Даллеса оказалась миссией угроз и шантажа. Она лишь вновь продемонстрировала тот факт, что в Вашингтоне боятся, как бы Женевское совещание не привело к восстановлению мира в Индо-Китае.

ЛИТЕРАТОР

Здесь выступал Маяковский

Вчера в Политехническом музее Москвы

14 апреля — день смерти Владимира Владимировича Маяковского — москвичи отмечают ежегодно вечером, посвященным его памяти.

Вчера в Большом зале Политехнического музея, где так часто выступал В. Маяковский, снова звучало его слово. Здесь на вечере, устроенном Союзом советских писателей СССР, читались стихи поэта, выступали с воспоминаниями его товарищи по перу.

Творчество В. Маяковского давно завоевало в нашей стране всенародную любовь и популярность. Его произведения изданы на 54 языках тиражом свыше 22 миллионов экземпляров. Поэзия В. Маяковского «взята на вооружение» строителями коммунизма.

— Могучий голос Маяковского — великого патриота нашей Родины все громче звучит на разных материках земного шара. Огромное новаторское влияние его поэзии движет вперед не только нашу многонациональную поэзию, но и поэзию всех стран мира. Число его учеников и последователей растет с каждым годом, — сказал, открывая вечер, С. Шипачев.

Л. Никулин во вступительном слове говорил о значении творчества В. Маяковского, о том, что своей жизнью, своим трудом он показал пример благородного служения коммунизму.

Стихи о В. Маяковском прочитали Н. Асеев, С. Кирсанов, М. Львов, П. Железнов, В. Урин. На вечере присутствовали родные и близкие поэта.

В заключение состоялся концерт, составленный из произведений В. Маяковского.

***

ЛЕНИНГРАД. 14 апреля. Сегодня, в 24-ю годовщину со дня смерти В. В. Маяковского, в библиотеках и клубах Ленинграда открылись выставки. Большой литературный вечер памяти поэта состоялся в Доме офицеров имени С. М. Кирова.

В лекториях, на предприятиях, в заводских клубах проведены доклады и лекции, посвященные поэту.

ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК ЖДЕТ...

Около восьми месяцев назад, 27 августа прошлого года, в «Литературной газете» была помещена статья «ВТЭК и живой человек». Автор статьи С. Красовский поставил вопрос о необходимости изменить сложный бюрократический порядок прохождения инвалидами войны и труда врачебно-трудовых экспертных комиссий.

Министр социального обеспечения РСФСР тов. Муравьева быстро откликнулась на выступление газеты. Она признала статью правильной и своевременной и обещала принять меры, которые «обеспечат улучшение работы ВТЭК и обслуживание граждан, свидетельствуемых врачебно-трудовыми экспертными комиссиями». («Ответ тов. Муравьевой был опубликован в газете 26 сентября). Однако положение во ВТЭК до сих пор не изменилось. Об этом говорят многочисленные письма наших читателей.

«После ответа тов. Муравьевой, опубликованного еще в сентябре прошлого года, мы считали, что мытарства инвалидов при прохождении ВТЭК будут сокращены. В действительности их не убавилось, а прибавилось. Раньше у нас в городе при повторном установлении инвалидности требовалось лишь прохождение ВТЭК с предварительным представлением справок, анализов и снимков. Теперь мы должны проходить еще одну комиссию—врачебно-контрольную. В результате этого увеличился приток больных, направляющихся на ВТЭК. Сейчас там устанавливается очередь на несколько дней вперед, увеличилась переписка, отчего работа ВТЭК не улучшилась и попадать туда стало труднее, чем прежде»,—сообщают А. Ехлаков и В. Шестаков из Саранска.

«У нас в Риге дни переосвидетельствования инвалиды называют «черными днями». Если подсчитать, сколько рабочего времени тратится на собирание и составление всяких справок, характеристик, направлений на анализы, снимки и прочее, то, пожалуй, получится, что вся эта процедура обходится государству не меньше суммы самих пенсий»,— высказывают свои мысли инвалиды Отечественной войны, рижане тт. Кучев, Гогин и Леймане.

«Когда же, наконец, будет упрощена неоправданно сложная, изматывающая нервы больных и вредная бюрократическая система обеспечения инвалидов?» — спрашивают В. Зайцев из Воронежа, А. Бейлинсон из Горького и М. Чаркин из города Лубны.

Законный вопрос.

Времени прошло немало. Но Министерство социального обеспечения РСФСР до сих пор еще не осуществило им же самим намеченных мер, которые, как обещала тов. Муравьева, обеспечат улучшение работы ВТЭК и обслуживание граждан. Что же препятствует министерству изыскивать пути улучшения работы подчиненных ему учреждений? Отсутствие настойчивости или неумение быстро перейти от решений к реальным действиям?

Живой человек ждет!.. Не слишком ли затянулось это ожидание?..

———o———

СТАЛИНГРАД — ОДЕССА

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). Коллективы драматических театров двух городов-героев — Сталинграда и Одессы — решили в связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией обменяться гастролями. В мае в новом здании Драматического театра имени Максима Горького начинает свои гастроли Одесский государственный театр имени Октябрьской революции. В этот же день спектаклем о строителях Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина — «Большой шаг» А. Шейнина — начинает в Одессе свою работу Сталинградский драматический театр имени Максима Горького.

В. КОМИССАРОВ

ЗАОЧНИКУ— УВАЖЕНИЕ И ПОДДЕРЖКА!

Когда раскрываются утром многочисленные двери университетов и институтов страны и ворвавшийся с толпой студентов ветерок заставляет тихонько прозвенеть хрусталь люстр в залах московского Дворца науки, студент Илья Криволесов уже давно на ногах.

Осталась за его спиной Красава — маленький песчаный островок, затерявшийся среди болот и мрачноватого леса, скрылись за деревьями его белые домики. Еще темно, но впереди все ширится яркокрасная полоска утренней зари. Под резиновыми сапогами потрескивает подмерзшая корка, чвакает вода, а ноги чуть не по щиколотку уходят в мох. С кочки на кочку шагает Илья Криволесов — начальник добычи Ларьянского торфопредприятия, студент заочного отделения торфяного института.

Собственно говоря, на «добычу», как называют место разработок торфа, есть другая дорога: по опушке леса. Здесь можно идти без риска провалиться в какую-нибудь незамерзшую мочажину. Но дорога эта вдвое длиннее, а дел у Ильи Криволесова столько, что о дороге в обход он и не думает.

Где-то впереди, невидимый, воркует экскаватор: чистит канал, который тянется рядом с тропинкой. Морозец, полсушивший ночью размякшую было за несколько сырых дней почву, не сумел сковать воду в канале, и она тихо и странно журчит среди белесого холодного безмолвия...

Скоро выйдут на поле десятки машин, зажужжат, потянут из карьеров бурую торфяную жижу. Всасанная в трубы мощными моторами вода ударит из гидромониторов в торфяную залежь. И множеством машин и людей, обслуживающих эти машины, будет управлять начальник добычи Ларьянского торфопредприятия Илья Криволесов...

Экскаватор все ближе и ближе. Из кабины выпрыгнул экскаваторщик и по тонкой ледяной корке канала, там, где экскаватор еще не взломал ее, перемахнул к Криволесову. Тотчас же вслед за ним появился из-за машины красноносый старик в выпачканном полушубке. Пока Криволесов указывал экскаваторщику, что под машиной слаб настил — экскаватор садится в торф, — старик осторожно пробовал ногой лед канала. И вот уже его ехидный хриплый басок слышится рядом с Криволесовым:

— Слышь-ка, Илья Егорович. А ведь я тебя посажу!

— Уйди, Афанасьев! — машет на него экскаваторщик. — Надоел...

— Это почему твои трактористы у меня бревна таскают? Если они им по пути, — значит, тащи? — возмущает старик, но видно, что сердится он больше для порядка, и, когда Криволесов уходит, он недовольно ворчит:

— Черт спокойный! Я ему на прошлой неделе звоню часов в одиннадцать — провода у меня малость искрили — кричу: «Пожар! Сваи твои горят. А он...».

— Вот и глупость, — сурово перебивает старика экскаваторщик. — Ты вот кончишь сегодня работать и — свободен. Заберешься куда-нибудь — хорошо, если в кино... А Илья Егорович — сразу за учебники. Это ж понимать надо, у него каждая минута на счету, а ты к нему с чепухой...

Старик еще долго что-то бубнит, перебираясь по тонкому льду на тот берег канала, но вид у него явно сконфуженный, и бубнит он, чтобы не выдать своего смущения.

***

Уже совсем рассвело. Четкой стала узорчатая линия далекого леса. Там, еще дальше за этой линией, в больших и маленьких городах, в институтах и университетах — десятки тысяч студентов. У них очень много дел и забот. У них долгие, напряженные часы лекций и семинаров, переживания на конференциях и диспутах, горячка экзаменов и зачетов.

И все же как несравнимы труды и заботы их вузовской жизни с жизнью Ильи Криволесова, с жизнью студентов заочных институтов!

Когда студенты в обычных вузах кончают занятия, Криволесов, усталый, возвращается с работы. Покрутив несколько минут настройку приемника, он садится за учебники. Три часа ежедневных занятий, три часа во что бы то ни стало!

Над столом Криволесова — большая фотография жены, темноволосой молодой женщины. Двух лет не прошло, как женились они. А совсем недавно родилась дочка. Немало пришлось поволноваться Илье в тот день. Долго бродил он по улицам поселка, чтобы усталостью победить нервное напряжение, сковывавшее его в течение нескольких часов неизвестности: все ли обойдется благополучно. Но вот из больницы позвонили, поздравили с рождением дочки. И в этот вечер, как всегда, Илья Криволесов сел за учебники. Три часа ежедневных занятий, три часа во что бы то ни стало!

Скоро лето — пора студенческих каникул, веселых походов, экскурсий. Как ждут этой поры студенты! Ждет лета и студент Криволесов, но ждет совсем по другой причине. Летом начинается для него самая трудная, самая ответственная работа. Будет ходить по болоту, проваливаясь по ночам в щели, в разрывы торфяного слоя, поблескивающие бурой болотной водицей на дне. Будет перебегать по черному скользкому телу трубопровода в гиблых, трясинных местах, спасая оседающие при обвалах машины-краны, и ночью засыпать коротким тревожным сном на узенькой лавочке вагончика, посреди поля. А ларьянский торф, нарезанный кирпичами и высушенный, пойдет эшелонами в котлы электростанций. Тысячам машин дадут движение, сотни тысяч лампочек зажгут эти торфяные кирпичи, добытые на участке Ильи Криволесова.

Подобно Илье, тысячи студентов-заочников не отрываются ни зимой, ни летом от производственной своей деятельности, накапливая одновременно теоретические и практические знания. В этом преимущество заочника: ведь студенту, кончающему обычный институт, надо еще несколько лет набирать этот опыт, чтобы стать хорошим специалистом. Но кто, кроме самих заочников, знает, какими усилиями воли, а порой и лишениями дается это преимущество!

Мы часто любим говорить, что трудности надо преодолевать. Это верно! Но бывает, что и **недостатки** называют у нас трудностями. А ведь недостатки надо устранять. Иначе все можно в ранг трудностей произвести: преодолевайте, мол, товарищи. Приблизительно так и сказал нынче зимой Илье Криволесову главный инженер предприятия тов. Крутов.

— Я прошу вас предоставить мне отпуск, — сказал Илья.

Главный инженер настороженно молчал.

— У меня сессия с двадцатого января, — сказал Илья.

— Сессия? — недовольно проговорил главный инженер.—Но так же нельзя бросить все — и уехать! Вот закончите основные работы, тогда и пойдете в отпуск...

— Но я ведь не на курорт еду, у меня сессия начинается. — как можно убедительнее сказал Илья, прижимая ладонь не то к сердцу, не то к студенческому билету в нагрудном кармане. — Ведь для меня не будут специально сессию устраивать. Разве нельзя меня здесь заменить?

Тут-то главный инженер и заговорил о трудностях, которые надо преодолевать, об ответственности, которую он не хочет на себя брать. Илья смотрел на него и думал: надо пойти к директору, он, конечно, разрешит. А если не разрешит? Тогда, значит, и бессонные ночи, и воскресные дни без отдыха, и тихие взюхи жены, одинокой, несмотря на всю любовь к ней Ильи, — все это было напрасно?

А можно ли считать трудностью то, что для студентов-заочников так мало издается специальных учебников? Приходится заниматься по учебникам, созданным для обычных институтов. Но ведь студенты обычных институтов каждый день слушают лекции. Учебник для них — вспомогательное средство для изучения материала. В то время как для заочников — это основное.

Все эти мысли приходят, когда наблюдаешь жизнь Ильи Криволесова. И думается, что, по справедливости, слово «заочник» должно стоять совсем рядом с такими словами, как упорство, воля, даже, смело можно сказать,— героизм. «Зеленую улицу» надо открыть для студента-заочника, идущего к достижению своей цели. А для этого надо, чтобы стал студент-заочник объектом постоянной заботы и внимания руководителей Министерства высшего образования, у которых заочное обучение все еще стоит, как некая добавка к основной их работе. И существует поэтому обидное неравенство между нашими очными и заочными институтами.

Вот, например, один из крупных заочных институтов страны — Московский заочный политехнический институт. Лучшие профессора страны обучают здесь шестнадцать тысяч студентов-заочников. А весь институт расположен в трех-четырех комнатушках и коридорчике. В каждой комнате — множество столов и шкафов, ломящихся от папок и бумаг. Между столами и шкафами — сложная система тупиков, где ютятся сотрудники института. Тут же ожидают приема студенты. Негде поставить даже стул, чтобы мог присесть уважаемый профессор. Впрочем, сидеть здесь много не приходится; гораздо больше приходится ездить по различным институтам столицы, где разрешат прочитать для студентов-заочников Политехнического института лекцию или провести консультацию. Еще хуже «жилищное положение» Всесоюзного заочного машиностроительного института. Да и ряда других.

Жизнь громким голосом требует, чтобы замечательное слово «заочник» вышло из закоулков и полуподвалов и зазвучало в светлых залах и новых лабораториях, таких же, в каких занимаются все студенты нашей страны.

***

Много умных машин на Ларьянском торфопредприятии. Сложно их устройство. И с каждым годом прибывает сюда еще более сложная техника. Конечно, вслед за ними идут и новые методы работы. И пусть Илья Криволесов еще только переходит на третий курс,— он уже получил от института самое главное: умение творчески мыслить, самостоятельно решать задачи, которые возникают в непрерывном движении жизни.

Над Красавой — ночь. И хотя бесконечное число раз встречалось описание ночного поселка, темных домов и освещенного окна, в котором виднеется силуэт человека с книгой, хочется повторить его. Да, действительно, каждую ночь можно видеть среди густого северного леса спящий маленький поселок, освещенное окно дома и силуэт человека с книгой, человека, которого называют таким почетным, хорошим словом — студент-заочник. Скромный свет этот быстро теряется среди заснеженных деревьев и через несколько сотен метров становится невидимым.

А жаль! Свет таких окон должен быть виден всем.

ТИХВИН,
Ленинградской области

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Две краски одного драматурга

Он шел от завязки к развязке,
Имея всего лишь две краски.
Одна была белая-белая,
Другая же — черная-черная.
Две краски!.. Но в них была целая
Для творчества база опорная.
Он долгие годы старательно
Работал одними белилами:
Все было вокруг замечательно,
Все были хорошими, милыми.
И все, что он видел на свете,
Рождало в нем лишь умиление...
Но вдруг он почувствовал —
ветер
Меняет свое направление.

Схватил свою кисть он проворную,
Решение принял он смелое,
И краску взяв черную-черную,
Замазал все белое-белое.

Орудуя черною краскою,
Он на небо смотрит с опаскою:
Вдруг снова погода изменится?
Ну, что ж!
Он опять не поленится.

Томительных пауз не делая,
Возьмет свою кисть он покорную
И краскою белою-белою
Замажет все черное-черное.

Многострадальная бочка

Как известно, для того, чтобы построить завод, надо его спроектировать, а чтобы спроектировать, необходимо знать, что на этом заводе будут производить и какое нужно оборудование. Истина бесспорная. Но о ней приходится напоминать в связи со строительством двух заводов на Сахалине. Дело там осложнилось в связи с дискуссией о самом предмете производства, хотя оный предмет не так уж и спорен: речь идет о выпуске обыкновенных бочек для перевозки и хранения рыбы.

В апреле 1950 года Министерство лесной и бумажной промышленности получило задание построить на Сахалине и ввести в эксплуатацию в 1952 году два завода по производству бочек.

Вначале ничто не предвещало осложнений. Техническое управление Министерства лесной и бумажной промышленности пригласило к себе на совещание рыбников, и обе заинтересованные стороны, не сходя с места, договорились, что на новых заводах надо изготовлять фанерные клееные бочки: они дешевле и прочнее, чем выпускавшиеся до сих пор деревянные. Оставалось выбрать тип бочки.

Но техническое управление Министерства лесной и бумажной промышленности явно не торопилось. Что касается рыбников, то они с ангельской кротостью взирали на эту «тихую сзду» технического управления и были немы, как рыба.

Однако Центральный научно-исследовательский институт фанеры и мебели в конце концов создал многоклепочную клееную бочку, обладающую рядом несомненных достоинств: прочностью, непротекаемостью, многооборотностью. Кроме того, новая конструкция позволяла организовать поточное производство при почти полном отсутствии отходов древесины.

Рыбники, до тех пор пребывавшие в состоянии безмятежного покоя, проведав о многоклепочной бочке, вдруг проявили бурную активность. Они начали во всем сомневаться: в количестве клепок, в качестве клея, в количестве шпон (склеенных листов), в качестве испытаний и так далее.

Эта сомнительная активность рыбников повлекла за собой «эпоху» бесконечных переговоров, переписки и совещаний. За это время было написано и наговорено очень много разных слов, но так и не был решен вопрос о многострадальной бочке — одна сторона предлагала, а вторая сомневалась. Страдала от этого третья, самая главная сторона — потребитель. Да оно и понятно: от бюрократизма, в чем бы он ни выражался — даже в глубокомысленных разговорах о конструкции бочки, — страдают в первую очередь живые люди.

Лишь 19 октября 1953 года свершилось, наконец, долгожданное событие: «Ниидревмаш» — институт, которому было поручено проектировать оборудование для сахалинских заводов, получил от Министерства лесной и бумажной промышленности техническое задание на оборудование для производства бочек. Казалось, ясно: сахалинские заводы будут выпускать многоклепочные клееные заливные бочки. Казалось, что неукротимые рыбники в конце концов утихомирились: не прошло и четырех лет, как они приняли решение.

Эти оптимистические предположения вскоре, однако, померкли, как лучи восходящего солнца в густом тумане. Не так давно техническое управление Министерства лесной и бумажной промышленности получило послание от технического управления Министерства промышленности продовольственных товаров. В этой бумаге написано, что рыбники в принципе не возражают против многоклепочной бочки. Но и в ней оказалась ложка дегтя: окончательный ответ, пишет далее заместитель начальника управления тов. Адамовский, будет дан после испытания еще пятисот бочек.

— Видите ли,— объяснил нам причину столь долгих и мучительных сомнений начальник отдела техники и технологии рыбной промышленности технического управления Министерства промышленности продовольственных товаров тов. Попов,— нам трудно окончательно решить этот вопрос: у нас в отделе нет специалистов по деревянной таре.

Что и говорить, убедительное объяснение для потребителя, желающего купить дальневосточную селедку!

А пока что два завода, которые в 1952 году уже должны были снабжать тарой рыбную промышленность Сахалина, в 1954 году не существуют даже на бумаге, так как проект одного из них еще не начат, а второго еще не закончен.

За каждое дело, большое и малое, — пусть речь идет даже о самых прозаических вещах — той же бочке, — нужно браться заинтересованно, с душой. И если такой заинтересованности нет, если живое дело подменяется ведомственными распрями, то получается печальный результат, подобный печальному итогу вышеизложенной истории: долгие годы канули, как в бездонную бочку.

Я. ДЫМСКОЙ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ЛЕЗВИЕ»

Под таким заголовком 4 февраля в «Литературной газете» была опубликована статья о неудовлетворительном качестве лезвий для безопасных бритв, выпускаемых московским заводом «Красная звезда» и Ленинградским заводом металлических изделий.

Как сообщил редакции министр местной и топливной промышленности РСФСР тов. Н. Чесноков, для улучшения качества лезвий министерство разработало и представило в Совет Министров СССР проект решения, предусматривающий проведение ряда мер на заводах, выпускающих лезвия, в частности замену изношенного оборудования на заводе «Красная звезда».

В проекте предусматривается и улучшение качества ленты для лезвий, изготовляемой заводом имени Молотова Министерства черной металлургии. Кроме того, перед научно-исследовательскими институтами поставлен вопрос об исследованиях по автоматизации контроля качества выпускаемых заводами лезвий.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ШЕВЧЕНКО И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ

Общественно-политические взгляды великого украинского поэта, выраженные им в стихах, поэмах, повестях, дневниках, письмах, — вот что прежде всего привлекает внимание И. Головахи — автора книги «Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы 50—60-х годов XIX столетия» (Киев. Издательство Академии наук УССР. 1953. 151 стр.). И. Головаха выявляет в убеждениях Шевченко те черты, которые объединили его с великими представителями российской революционной демократии — Белинским, Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым.

Передовая русская философия была неразрывно слита с публицистикой и литературной критикой. Это делало философию боевой и действенной, а критическую мысль — философски обоснованной. Великие русские мыслители не могли не ставить и не решать насущных практических задач политики, морали, права, экономики, эстетики. И. Головаха показывает, что подобным путем развивалась также украинская общественная мысль. Шевченко шел от раздумий о судьбах родного народа к широким философским выводам. Он стал мыслителем, потому что был борцом.

Подобно русским революционным демократам, Шевченко был убежденным материалистом. В его воззрениях сказывались элементы диалектики. Борясь за народное искусство, он был непримиримым врагом «чистого искусства», стремился сделать искусство активной, действенной силой.

Исследователь обстоятельно доказывает, что очевидная близость идеологии русских революционных демократов и Шевченко была вызвана прежде всего прочной жизненной основой — единством исторических судеб народов-братьев, а не некими книжным «заимствованием». Жизнь привела Шевченко к революционному демократизму, к единству с лучшими людьми России. Он глубоко воспринимал идеи, выдвинутые передовыми русскими деятелями и мыслителями. Шевченко учился у Белинского и Чернышевского подобно тому, как украинский мужик учился революционной борьбе у русского. И очень отрадно, что И. Головаха сумел сказать об этом ясно и четко, сравнивая историю русского освободительного движения с историей украинского народа.

К сожалению, в работе И. Головахи есть и серьезные слабости. Мировоззрение Шевченко было сходно, но отнюдь не во всем тождественно с мировоззрением русских революционных демократов. Между тем в книге говорится лишь о том, что делало Шевченко похожим на Чернышевского и Белинского. О своеобразии мыслей, выраженных в творчестве украинского поэта, в книге говорится мало и, главное, крайне расплывчато. «Характерной особенностью социологических воззрений Шевченко, — читаем мы, например, — является его глубочайшая вера в лучшую участь своего народа». Но ведь верой в лучшее будущее народа горели все русские и украинские передовые писатели!

И. Головаха словно не может сосредоточиться на чем-нибудь одном и начинает стремиться к заманчивой, но недостижимой цели: рассказать о Шевченко, Чернышевском и Добролюбове едва ли не все. От одной эпохи он спешит перейти к другой, коснувшись одной проблемы, стремительно берется за другую. Он торопливо говорит и о воззрениях Радищева, и об экономических трудах Чернышевского и Добролюбова, и о декабристах, и о мировом значении русского крестьянского демократизма, и о революционно-демократической эстетике вообще.

Хочется, чтобы исследователь смелее шел непроторенными путями и выступал с работами, пусть менее «всеобъемлющими», но более конкретными и более самостоятельными.

В. ТУРВИН

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Из прозаических произведений, помещенных в № 6 «Ленинградского альманаха», наибольшего внимания читателей заслуживает повесть молодой писательницы Валентины Левидовой «Первая любовь».

В дни Отечественной войны в приуральский город Смуров эвакуировалась вместе со своей матерью девятиклассница Шура. Здесь зародилось постепенно чувство первой любви Шуры к фронтовику Василию Вожгалову, сыну старухи Прасковьи Федоровны, у которой поселились поначалу Шура и ее мать. У Василия есть невеста— Клава. О ней, о жизни в тылу, о себе самой пишет на фронт Шура, и Василий отвечает ей дружескими письмами. Однако переписка эта обрывается, — Шура не решается сообщить Василию горькую правду: Клава изменила ему, вышла замуж за другого. Идет к концу война, Шура возвращается в Ленинград. Через несколько лет, окончив вуз, она уезжает на работу в Смуров,— там ведь работает теперь на заводе Василий Вожгалов...

Читатель начинает ждать «благополучного» конца. Его жаждет для себя и героиня повести. Но автор подсмотрел в жизни другой выход: Василий уже женился...

Нам приходится просить прощения у В. Левидовой за обедненный пересказ повести, в которой нас прельстил не столько сюжет, сколько выразительность авторского письма. Она проявилась как в обрисовке внутреннего мира героев повести, так и в умении писательницы изобразить дополняющий его мир внешний. Этот последний становится ощутимым в «Первой любви» благодаря меткой наблюдательности автора, его «вкусу» к выразительной художественной детали.

Вместе с В. Левидовой мы видим и запоминаем «ручьи, поблескивающие на весеннем солнце так, словно в них насыпали массу мельчайших осколков зеркала»; старика, у которого «слегка двигались челюсти, будто он проверял, на месте ли они»; «глянцевитую, нежилую чистоту комнат Прасковьи Федоровны».

Образ этой старухи.— наибольшая удача молодой писательницы. О старухе Вожгаловой нельзя судить по первому впечатлению, самобытность ее натуры совершенно очевидна: «Соседки посещали Прасковью Федоровну лишь изредка. Они не забегали, как обычно водится, взять ненадолго утюг или корыто; не заходили к ней и посуда-чить. Соседки навещали ее, как бы выполняя свой долг. Они сидели на краешке стула, больше помалкивали и, как мне казалось, побаивались хозяйки». Она отличается чертами характера, заранее читателем не угаданными. И это хорошо, так только и достигаются изобразительная свежесть и мастерство литературного портрета.

Героиня повести в ужасе, когда она сажает чернильное пятно на белоснежную, накрахмаленную скатерть Прасковьи Федоровны. Шура решает объясниться с хозяйкой в тот же вечер, но ей это не удается: старуха спит. «На утро белой скатерти с пятном на столе не было,— лежала другая, голубая, с синими цветочками. Больше ждать я уже не могла и решила заговорить первой, но в этот момент Прасковья Федоровна сама обратилась ко мне:

— На-ко, прочти мне, я что-то не вижу,— сказала она, протягивая полученное от сына письмо и снимая очки с обмотанными тряпочкой заушниками...

Я села читать письмо... Но чем дальше я читала, тем все больше казалось мне, что она не только прочла, но чуть ли не наизусть его выучила. Когда я останавливалась, чтобы разобрать стершиеся на сгибах бумаги слова, она с несвойственной ей живостью подсказывала их или поторапливала меня: «Ну, ну!».

Прасковья Федоровна отказывает в жилье Шуре и ее матери, не сумевшим обеспечить ее обусловленным количеством дров, и приходит на вокзал, чтобы хоть издали попрощаться с ними, когда те уезжают в Ленинград. Сложный и правдивый психологический рисунок образа!

Не сумела В. Левидова, к сожалению, запечатлеть в читательской памяти образ Василия. А ведь его письма (в этой редакции — весьма тусклые) могли и должны были служить особым изобразительным средством для писательницы. Не справилась она и с некоторыми другими своими персонажами (например, мать Шуры, кое-кто из школьников). Это явные недочеты повести.

В лирическом повествовании В. Левидовой иного тонкого подтекста. Он дает возможность читателю домысливать и характеры героев, и отношение к ним писательницы. А ведь без такого домысливания нет и искусства!

Мих. КОЗАКОВ

ВИНОВЕН ЛИ САЛЬЕРИ?

Признаться, я с некоторым предубеждением принялся за чтение книги **«Моцарт и Сальери»** (Музгиз. М. 1953. 136 стр.), автор которой **Игорь Бэлза**, как мне сказали, неопровержимо доказал, что Сальери отравил Моцарта. Неопровержимо ли? «Завистник, который мог освистать «Дон Жуана», мог отравить его творца», — писал Пушкин, возражая против необоснованности обвинения, возведенного им на Сальери. Мог отравить... Но отравил ли?

Первые страницы книги представляют собой попытку — во многом убедительную—дать, так сказать, музыкальный подтекст к гениальной трагедии. Встречаются и некоторые натяжки, в особенности там, где автор приписывает Пушкину излишнюю остроту социальных характеристик.

Вот, например, известная сцена трагедии, где Моцарт просит бродячего музыканта, приведенного им с улицы, исполнить что-нибудь на скрипке.

«Старик играет арию из «Дон Жуана»; Моцарт хохочет»,—гласит пушкинская ремарка. «Этот хохот, — пишет И. Бэлза, — счастливый смех гениального мастера, получившего еще одно доказательство признания его творений в тех демократических кругах населения, которые слушают их не в театрах и «академиях», а на улицах». Произвольное толкование!

Но сущность дела в другом. Вслед за историко-музыкальным анализом автор переходит к прямым доказательствам виновности Сальери. Сопоставляя факты известные и неизвестные, он рисует картину, не оставляющую сомнений в том, что Моцарт был действительно отравлен своим завистником и смертельным врагом. Не буду приводить в этой краткой заметке всей убедительной системы доказательств. Упомяну лишь об одном факте, исчерпывающем все остальные. Ближайший друг Бетховена Антон Шиндлер, беседуя с глухим композитором с помощью записей в его «разговорных тетрадях», сообщил ему о том, как Сальери, чувствуя приближение смерти, сказал друзьям, что он отравил Моцарта и хочет признаться в своем преступлении на исповеди. Слухи об этом вскоре появились в газетах и, без сомнения, стали известны Пушкину. Но слухи— это только слухи. Сальери хотел признаться, но признался ли? И можно ли это доказать?

Известный австрийский историк музыки Гвидо Аллер, как сообщает Игорь Бэлза, нашел в одном из венских архивов подробную запись исповеди Сальери. Духовник композитора доносил епископу, что Сальери не только признался в отравлении Моцарта, но рассказал, где и при каких обстоятельствах он подсыпал ему медленно действующий яд. Гвидо Аллер установил, что указанные в исповеди даты, места и обстоятельства встреч композиторов полностью соответствуют историческим данным и что, таким образом, исповедь Сальери—не предсмертный бред умирающего, а точное воспроизведение картины страшного злодеяния.

Австрийский историк рассказал своим ученикам о найденном документе. Он поделился своими изысканиями и с Б. В. Асафьевым, известным нашим композитором и музыковедом, причем Асафьев, как сообщает автор книги, своими глазами видел копию предсмертной исповеди Сальери. Но опубликовать документ не удалось: этому воспротивился Ватикан — не потому, разумеется, что публикация скомпрометировала бы память Сальери, а потому, что самый факт существования такой записи нарушает «тайну исповеди».

«Если хоть одна запись исповеди будет опубликована, — иронически замечает И. Бэлза, — то кто же будет доверять свои тайны священникам?»

Судьба архива Гвидо Аллера, скончавшегося в 1941 году, — неизвестна. Но его друзья и ученики сообщили автору книги, что публикация исследования, как содержащего «не подлежащие оглашению» материалы церковных архивов, попрежнему встречает возражение католической церкви.

Читатель с интересом прочтет книгу И. Бэлзы, доказавшего, что гениальная пушкинская формула: «Гений и злодейство две вещи несовместные» — основана на исторической правде.

В. КАВЕРИН

В ПРЕДМЕСТЬЕ ТУЛУЗЫ

Мальчики играли в войну. Чтобы затеять эту игру, Леону пришлось преодолеть немалые трудности, которые хорошо знакомы мальчишкам во всех концах Европы и в которых не отдают себе достаточного отчета многие американские дипломаты. Никто из юных героев книжки французского писателя Пьера Гамарра «Дети нищеты» (Ипполит, 1954, 143 стр., перевод И. Тихомировой) не хотел быть «гитлеровцем», все хотели быть «партизана-

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

ШЕДЕВРЫ ИСКУССТВА И ПЕРЛЫ ВУЛЬГАРИЗАТОРСТВА

Читатель видит репродукцию картины одного из замечательных русских художников В. Д. Поленова «Заросший пруд». Вот что сказано о ее содержании и значении в недавно выпущенной Госполитиздатом книге Ф. Калошина «Содержание и форма в произведениях искусства»:

«Картина Поленова «Заросший пруд» изображает уходящее лето, в гуще деревьев у заросшего пруда вырисовывается фигура одиноко сидящей женщины. Вся картина пронизана грустным лирическим настроением по поводу чего-то уходящего, невозвратного. Но, раздумывая над этой картиной, современный советский зритель нередко приходит к заключению о неизбежности ухода старого и возникновения нового, как бы старое ни было в отдельных своих проявлениях прекрасно в прошлом. Советский зритель видит в этой картине увядание старого, отжившего, и картина приводит его к мысли о торжестве нового, развивающегося, передового».

На картине Поленова, газетная репродукция которой не может, разумеется, передать всех ее достоинств,— живая, полная сил и красоты русская природа. Пейзаж, как всегда у Поленова, поэтичен, сердечен, прочувствован; изящен и тонок рисунок. Картина глубоко человечна, она богата настроением, в ней есть и нежная лиричность, и глубокое раздумье, и замечательное ощущение предосенней зрелости, свежести, ясности... Замечательные краски, сочетание тонов помогают художнику создать поэтическую атмосферу картины. Ничего этого не видит исследователь. Огрубляя творение художника, полностью обходя его художественное своеобразие, исследователь находит в произведении искусства лишь общую мысль.

Идея борьбы нового и старого как основы всего развития общества — это глубокая и мудрая идея. Но это не отмычка, которой можно бездушно открыть любой замок. Нельзя развивать эту идею, не обратившись к тому конкретному, индивидуальному, неповторимому, что внес художник в свое произведение.

Ту же общую мысль обнаруживает автор и в музыкальной драме Мусоргского «Хованщина». Главная философская идея оперы — «...неизбежная гибель старого, отживающего, реакционного, цепляющегося за жизнь, и неизбежная победа нового, развивающегося».

Прочтешь это и задумаешься, чем же отличается пейзаж от исторической музыкальной драмы?

Повторяя фразу о борьбе старого и нового и наклеивая этот тезис, как ярлык, на самые разнообразные произведения искусства, не обращая внимания на их идейно-художественное своеобразие, автор, видимо, думает, что он диалектически трактует шедевры искусства. На самом деле «диалектику» эту следует назвать верхоглядством и вульгаризаторством.

На таком уровне пишутся еще подчас книжки по эстетике! В них компиляторское изложение общих вопросов, бесконечное обращение к цитатам — в кавычках и без кавычек — сочетаются с разительной беспомощностью, когда дело доходит собственно до произведений искусства. Появление книги Ф. Калошина еще раз свидетельствует о том, как неблагополучно положение в области эстетики, как мало делают наши философы и литературоведы для преодоления отставания эстетической науки.

О книге Ф. Калошина следует сказать еще, что она написана сухим, бесцветным, изобилующим канцелярскими оборотами языком. Вот здесь-то автор убедительно доказывает, что содержание действительно определяет форму...

ЧИТАТЕЛЬ

Украинские писатели и артисты в Москве

Вчера в столицу для участия в вечерах украинской литературы и искусства, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией, приехала группа писателей. В их числе: М. Бажан, П. Беспощадный, В. Василевская, П. Воронько, Л. Дмитерко, П. Козланюк, А. Корнейчук, А. Малышко, М. Нагнибеда, А. Пидсуха, Е. Поповкин, Л. Первомайский, Н. Рыбак, М. Рыльский, М. Стельмах. В Москву приехали также украинские деятели искусства: народные артисты СССР И. Паторжинский и Б. Гмыря, народный артист УССР П. Белиниик, заслуженные артисты УССР З. Старченко, Т. Пономаренко, Л. Лобаиова-Рогачева, Н. Гончаренко, Е. Потапова, Н. Фокин, Н. Панасьев и другие.

Во время своего пребывания в Москве, с 15 по 24 апреля, украинские писатели и артисты побывают в заводских дворцах культуры и клубах, в воинских частях, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, у студентов.

Сегодня в Московской государственной консерватории, под председательством А. Суркова, состоится первый вечер украинской литературы и искусства.

В Коми-Пермяцком национальном округе

КУДЫМКАР. (Наш корр.). Окружное издательство выпустило на коми-пермяцком языке сборник «В наши дни», в который включены стихи, пьесы, очерки и рассказы 14 местных авторов. Вышла книга стихов «Огни в Парме» поэта Н. Попова. Редакция окружной газеты «По ленинскому пути» объявила конкурс на лучший рассказ, очерк, фельетон.

При книжном издательстве работает литературная группа, в которую входят все местные литературные силы. Группа обсудила несколько произведений молодых авторов, а также заслушала доклады на литературные темы.

Встреча с немецким писателем Э. Клаудиусом

На днях московские литераторы принимали у себя в гостях прогрессивного немецкого писателя, лауреата Национальной премии Эдуарда Клаудиуса. Он приехал в связи с открытием в Москве выставки «Книга в Германской Демократической Республике».

В беседе с московскими писателями Э. Клаудиус охарактеризовал состояние современной немецкой литературы. Он подчеркнул, что одной из задач писателей ГДР является борьба против схематизма и лакировки действительности, за глубокую правду жизни. Э. Клаудиус рассказал о талантливой молодежи из среды рабочих и крестьян, идущей в литературу, о предстоящем открытии в Берлине литературного института.

По просьбе собравшихся писатель сообщил о своей работе над новым романом «О любви надо не только говорить».

Э. Клаудиус высказал ряд критических замечаний о качестве предисловия и перевода на русский язык его книги «О тех, кто с нами».

О роман Л. Леонова «Русский лес»

БОЛЬШАЯ УДАЧА— БОЛЬШИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Величественна и картинна в своем жизненном разнообразии та большая и трудная дорога, по которой идут герои романа Л. Леонова «Русский лес». Идея этого выдающегося произведения — утверждение советского патриотизма во всей его животворящей силе, во всей множественности его проявлений — от героического вызова, брошенного в лицо насильнику-оккупанту, до самозабвенной преданности передовым научным идеям. Люди больших социальных дерзаний — смелый ученый-новатор, рыцарь русского леса Иван Вихров и его дочь Поля — скромные, простые герои, и в то же время это люди, готовые на самопожертвование во имя славных и благородных идей, исповедуемых ими. Гневно, горячо вступает Поля в словесный поединок с гитлеровским офицером. Ее порыв героичен, а пафос сконденсирован. Здесь личность сгущена до пределов одного,— всего лишь одного,— но зато такого приметного, такого возвышенного деяния. Подвиг ее отца — совсем иной по своей внешней форме. Иван Вихров годами и десятилетиями отстаивает свои научные идеи. Он выносил их умом и сердцем, его не смогли сбить с пути никакие критические наскоки разнообразных «вертодоксов» и идеологических хамелеонов. Трудно и нескоро пришло к Ивану Вихрову большое народное признание его научного подвига, но тем выше он — носитель новаторских патриотических идей.

Прекрасен у Л. Леонова этот взлет творческой мысли, объединенной в своем высоком романтическом порыве с повседневными усилиями многих скромных тружеников мира и войны — таких, как Морщихин, таких, как приемный сын Ивана Матвеевича — Сережа, как ученик Вихрова — Осьминов, как Родион, как советский дипломат, коммунист Валерий Крайнов. Этими лицами, второстепенными по своему месту в сюжете, густо заселен роман Л. Леонова. Они образуют тот плотный жизненный слой живых человеческих судеб и обстоятельств, внутри которого развивается действие романа, сообщая ему во многих случаях достоверность реальности.

Роман Л. Леонова эпичен в лучшем смысле этого слова. Широко, раздольно видит писатель. «Русский лес» по своему сюжету обнимает, в сущности, лишь несколько предвоенных и военных месяцев 1941 года. Но его рамки гораздо шире,— в творческом «створе» писателя уместилась и картина подлого и позорного десятилетия, наступившего в жизни российской интеллигенции после поражения революции 1905 года, и мерные переходные годы после Великого Октября, и многие характеристические черты иных годин — годин социалистических пятилеток, когда складывалось научное мировоззрение Ивана Вихрова, когда лезли на него изо всех углов со своей псевдокритикой Грацианский и его сателлиты— пустобрехи и краснобаи, на поверку оказавшиеся врагами нового строя.

Словесная живопись Л. Леонова щедра и многопланна. Радостно за мастерство Л. Леонова, достигшее в «Русском лесе» высокого подъема и накала. То вдруг ударит писатель по сердцу задушевным и щедрым описанием, в котором до боли знакомые встают наша природа, облик наших сел и городов, то вдруг поднимется до разящей сатирической силы обличения, наиболее ярко сказавшейся в монологах профессора Грацианского и фашистского офицера Вальтера Киттеля, таких не схожих, но столь родственных друг другу по социальной своей природе.

Вальтер Киттель, с безграничной и тупой наглостью упивающийся своим умением бегло говорить по-русски, а на самом деле уродующий и унижающий великолепную стихию нашей речи, сводящий ее к дубовато-туповатому и пошлому подобию русского языка,— этот Вальтер Киттель отвратителен в своем националистическом высокомерии. Он нарисован Л. Леоновым лишь в одной весьма деловитой и прозаической ситуации — во время того, как он спокойно, без какого бы то ни было употребления пыток и зверств, допрашивает юную советскую разведчицу Полю. Но портрет Вальтера Киттеля — замечательное сатирическое обобщение, данное преимущественно через речь персонажа. Это редкое умение, еще раз подтверждающее высокую одаренность Л. Леонова в области драматургии, которая, в сущности, вся есть сумма речевых автохарактеристик героев. Жаль, что к диалогу Л. Леонов в «Русском лесе» прибегает сравнительно редко,— он владеет им в совершенстве.

Грацианский — этот скользкий и отвратительный в своей искусной мимикрии гад — тоже сатирически изображен Л. Леоновым и, главным образом, опять-таки через его речь. Она витиевата, кудрява, многословна, она изобилует риторическими отступлениями, оговорками, фейерверками псевдокрасивых уподоблений, а на самом деле внутренне пуста и ничтожна. Саморазоблачение Грацианского достигает удивительной сатирической силы и тогда, когда он пытается разить Вихрова стрелами своего адвокатского красноречия, и тогда, когда он льстиво заискивает перед ним, и, наконец, когда рассказывает «в назиданье потомству» о своей якобы революционной, а на самом деле провокаторской деятельности под крылышком жандармского подполковника Чандвецкого.

Невозможно пройти мимо того, как изображена в романе Л. Леонова Москва. Это не просто город, а некое живое существо, слитое из миллионов воль ее граждан, это в то же время и архитектурное целое, отличающееся высокой красотой. Солнечные пейзажи довоенной Москвы — «согласное множество разнородных строений, как бы струившихся в перегретом воздухе», изображенное через восприятие Поли, только что приехавшей в столицу из своей лесной глухомани,— воистину прекрасны. Но, может быть, еще лучше Москва в борьбе, в схватке с врагом. Бомбовые и огненные ночи Москвы описаны Л. Леоновым умно и просто, с достоверностью и лиризмом большого художника.

А лес, тот самый русский лес, который дал не только заглавие роману, но и конкретное выражение его патриотической идее, составив и его внешнюю тему и его внутреннюю поэзию! Его образ дан Л. Леоновым в неповторимой выразительности. Вот «старая мать Облога, в своей древней красе, прямая, как луч, и без единого порока». В этот дивный мир сказки, народных былин и поверий приходит хищный хозяин — российский купчина Кнышев, повально истребляющий государственное богатство. Вот сам он, для отдыха и забавы, начинает рубить дерево:

«Сперва топор отскакивал от промерзлой заболони, но вдруг железо остервенилось, и в воздухе часто засверкала мелкая, костяного цвета щепа... Ничто пока не могло разбудить зимнюю дрёму старухи... но вот ветерок смерти пошевелил ее хвою, и алая снежная пыль посыпалась на взмокшую спину Кнышева».

Только определение цвета щепы, как костяного, да необычайный эпитет алая по отношению к освещенной солнцем снежной пыли,— и вот художник достиг уже того, чего хотел. Его дерево ожило и стало бесконечно дорогим для читателя, как некое подобие раненого человеческого существа. И сразу обострилась ненависть читателя к хищнику-купцу, который «для разминки» погубил прекрасное дерево.

Так еле заметными нажимами пера, выразительными и тонкими средствами добивается Л. Леонов нужного ему идейного и художественного эффекта. Но, увы, значительны и недостатки романа.

Образы разработаны Л. Леоновым богато, многообразно, он показывает крутые и внезапные переломы судеб, острые психологические и социальные конфликты. Но все ли в поворотах судеб героев столь достоверно, как это может показаться на первый взгляд? Вот Поля. Ее характер целен, неуступчив, благороден и потому подлинно красив. И как же хорошо сказано у Л. Леонова о единстве этой молодой патриотки с родным ей русским лесом! Вот идет Поля на разведку в логово врага,— и «вся тамошняя природа заторопилась ей навстречу. Она понавесила снежную муть по всей Енге, выслала тугой, с морозцем ветерок и волчью поземку; она подкинула под ноги Поли полуприметную колею крестьянских саней, приезжавших сюда за сеном украдкой от завоевателей, и настрого наказала лесу не сбивать ее с дороги. И старый бор обнял Полю за плечи и повел кратчайшим путем на ее маленький подвиг».

Но разве все в судьбе Поли и ее раздумьях так же взвешено и до конца продумано Л. Леоновым, как этот удивительный по своей поэтичности кусочек текста? Разве не странно, что лишь по одной журнальной трескотне Грацианского, подвергавшего книги ее отца лихой «проработке», в сознании Поли укрепилась мысль, будто он, ее отец,— неголяй и тайный враг советской власти? Именно благодаря тому, что никак не раскрыта та среда, в которой формировался характер Поли, она выглядит подобием «кающейся дворянки». Ей представляется необходимым искупить грехи отца перед Родиной, и в то же время она обуреваема сознанием собственной социальной неполноценности. Ясный и чистый характер Поли, цельный и яркий характер героя нашего времени, без видимых обоснований ломается, целостность его нарушена. Те писатели, которые пишут своих положительных персонажей приемами иконописи, никогда не найдут дороги к сердцу читателя. И не рецепты богомазов хотим мы предложить Л. Леонову. Пусть у Поли будут свои реальные недостатки, подмеченные и выхваченные писателем из самой жизни. Но именно здесь жизненная достоверность ускользнула из рук Леонова.

Прекрасен диалог-поединок Поли с фашистским офицером. Но развязка этого поединка напоминает сюжетную «внезапность», характерную для далеко не лучших литературных образцов. Немецкий староста вдруг оказывается подлинно советским патриотом и под аккомпанемент советской бомбежки убивает из пистолета Вальтера Киттеля. Снова противоречия — так психологически достоверна сцена допроса и так внешне, по канонам авантюрной беллетристики, решен сюжетный ход.

А мать Поли — Леночка — с ее странным бегством от мужа! Разве в логике этого забитого существа, отнюдь не отличающегося сильной волей, такой крутой и скоропалительный поступок? И почему же Леночка, страдающая, смятенная, но глубоко честная душа, почему Иван Вихров, с его стремлением всюду и во всем доискаться истины, не найдут на протяжении долгих лет жизни возможности встретиться, объясниться, решить свои судьбы и судьбу дочери Поли, растущей без отца? На эти настойчивые читательские «почему» нет ответа в богатой лирической ткани романа Л. Леонова, как нет их в логике, которая должна определять поступки действующих лиц. И Поля, и Леночка, да и сам Иван Матвеевич Вихров замечательно задуманы и во многом верно решены Л. Леоновым. Но временами писатель как бы подчиняется прихоти полюбившегося ему сюжетного построения, минуя внутреннюю логику поведения героев.

Вихров задуман как скромный, но прямой и упрямый характер. Можно понять, что он далек от мыслей о личной карьере, что он способен отказаться от внешних почестей, от выгодных должностей. Но можно ли поверить в то, что на протяжении десятилетий Вихров игнорирует все наскоки своего врага Грацианского, что он ни словом, ни звуком не отвечает на его пышно-злобные статьи, хотя речь в них идет о бесконечно дорогих принципах науки, являющихся для Ивана Матвеевича главным содержанием его жизни?

Можно удивиться и простосердечию Вихрова, когда он вдруг принимает новогоднее приглашение Грацианского. Удивиться и... не поверить писателю. Но оказывается, что и это нужно было только для сюжетного эффекта, чтобы Вихров, случайно оставшись один в кабинете Грацианского, прочел его дневник-трактат о самоубийстве и сразу понял бы истинное лицо своего заклятого недруга. Да, только для сюжетного эффекта, потому что нескромное любопытство по отношению к чужим тетрадям тоже свойство, противоречащее всей логике вихровского характера.

Так оступается Л. Леонов, нарушая убедительность своего талантливого романа неправдоподобными, ненатуральными ситуациями, ходами, положениями.

О языке «Русского леса». Перед нами воочию тот случай, когда язык, по определению Горького, является первоэлементом литературного произведения. Вне языка, именно данного литературного языка, именно леоновского языка, роман «Русский лес» вообще немыслим. Мы уже останавливались на замечательных речевых характеристиках Грацианского и Вальтера Киттеля, которые целиком соответствуют сатирическому замыслу писателя и так метко и точно бьют в цель. Такова же сатирическая языковая характеристика, данная и другим подручным Грацианского.

Вообще чувство слова, чувство стиля является одной из наиболее сильных сторон Л. Леонова. Слово, то единственное слово, которое, собственно, и создает поэзию языка, он умеет и любит выбирать из тысяч синонимов. В слове Л. Леонова радует его звучность, упругость, он как бы ощущает вкус и запах слова. Временами писатель блистательно афористичен. «Лучшие сорта лжи готовятся из полуправды»,— говорит он, и это врезается в память, как стихи. «...Лес для меня не профессия, а призванье», — это уже совсем великолепно точностью и простотой определения.

Но, случается, риторика увлекает Л. Леонова в свои мнимо-красивые «бездны», и тогда его герои, да и он сам, начинают выражаться так вычурно, так завихренно-умственно и так «красиво», что, право, теряется реальное представление о месте действия и характере персонажей.

Вот, например, беседуют две девушки — Варя и Поля,— одна студентка, другая только что окончившая среднюю школу. Разговор идет на высокую тему и на высокой ноте. Но как бы высоки они ни были, невозможно представить себе Полю, выражающуюся столь цветисто: «Хорошо обработанная капигель общественного здания нужнее десятка посредственных картин, содержание которых зачастую дешевле и умней выразить типографским шрифтом». Собеседница отвечает в том же тоне: «Я поняла твою мысль... твой протест против перегрузки художественной ткани утилитарными заданьями».

Я ощущаю это, как фальшь, как неправду. Ну просто не говорят так наши молодые девушки между собой.

А вот беседа Ивана Матвеевича со своей сестрой Таисией, играющей в его доме роль домашней хозяйки. Таисия уговаривает своего брата уйти от теоретических споров и вернуться в лес, на практическую работу. Вот как отвечает он ей: «Видишь ли, сестра, деревья на краю леса получают больше света и пищи, без утесненья растут... оттого повыше и развесистей. Вот и меня природа поставила, как дуб на опушку, для ограждения от напрасного ветровала. Как же мне уйти отсюда? Ведь корешки рубить придется, а?»

Невозможно согласиться с этой вычурной тирадой, так неверно обозначенной самим Л. Леоновым, как «шутка», и так не вяжущейся со скромнейшим внутренним обликом Ивана Матвеевича, никогда не ставшего бы сравнивать себя с дубом. Еще более противоестественным языком он говорит Таисии дальше: «Вот съезжу-ка я на днях туда, на родину... с птицами посоветуюсь». «Посоветуюсь с птицами»— это уж чистая условность!

Сама Таисия выражается на каком-то странном, елейном наречии: «Спасибо тебе за труд твой, защитница ты наша»,— так обращается она к племяннице-комсомолке, вернувшейся с постройки окопов.

А какое странное пристрастие у Л. Леонова к уменьшительным словечкам! Вот косвенная речевая характеристика кулака Золотухина — «золотце», «нефтишка». Вот «топоришко», которым орудует капиталист Кнышев. Под стать им словарь, в обрамлении которого предстает иногда образ Грацианского: «предметцы», «сигарка».

Однако, если эти словечки как-то характеризуют людей, связанных со старым миром, то почему ими столь же щедро награждены персонажи совсем иного плана? Неужели «куполок», «золотце», «мебелишка» и впрямь могут характеризовать восприятие комиссаром Морщихиным последствий бомбежки в одном из переулков Москвы? Неужели и для образа Поли обязательны «пожаришко», «просьбица»? Неужели подпольщик и дипломат Валерий Крайнов и впрямь в родстве с такими лексическими единицами, как «костришко», «родички жизни»? А вот появился на авансцене профессор Вихров, — и снова посыпались «должок», «лесочек», «строеньице», «кустарничек».

Почему запах сирени, такой знакомый всем людям, надо сравнивать с запахом метана, известного лишь специалистам?

Трудно понять, как парапинки на самолюбии могли «затянуться паром жирных щей». Что это за таинственный «гормон», который вырабатывает сердце и который надо «добавлять к пороху для достижения победы»?

Зачем так сложно и сверхобразно нужно было говорить о Гитлере, причем адресовать нижеприведенную формулу оратору на рабочем митинге:

«Старому миру не составило труда рядом поблажек и коварных отступлений разогнать неумную дерзость подвернувшегося горлана до маньякальной мечты о мировой империи».

Витиеватость речи, стремление выразиться то с изыском, а то с нарочитой простонародностью, то с выпертом, а то подчеркнуто огрубленно временами мешает Л. Леонову достичь подлинной прозрачности языка. Ясные, чистые, удивительно четко написанные страницы соседствуют со словесным шлаком, с манерной лжекрасивостью.

Думается, что Л. Леонов в чем-то существенном отступает здесь от традиций реалистической русской прозы.

Исходя из примата содержания, русские писатели-классики никогда не увлекались излишней метафоричностью речи, цветистостью без нужды, образами без меры. Самый метафорический из них — Гоголь — прибегал к развернутым сравнениям, тропам, уподоблениям лишь изредка, лишь на высших точках эмоционального подъема своего повествования. Л. Леонов в «Русском лесе» идет иным путем. Слишком часто метафора заслоняет у него действие.

***

«Русский лес» — книга большого писательского дыхания, больших и человечных идей, большого мастерства. Но как обидно, что Л. Леонов с его огромным талантом не всегда последовательно идет дорогой реализма, изменяет правде жизни во имя звонких и нарядных побрякушек искусственного языка.

И если автор захочет и сможет избавить роман от этих недостатков, значение романа «Русский лес» еще возрастет!

СОБЫТИЯ И ГЕРОИ

...Сталинград летом 1943 года. Горы разбитого камня и кирпича, железного лома.

Теплоходами по Волге, поездами со всех концов страны едут по призыву комсомола девушки и юноши на восстановление города-героя. Среди них — Аня Чурилина и другие комсомолки, герои повести **Е. Герасимова «В Сталинграде»** («Новый мир». № 12, 1953). В Сталинграде Аня и ее подруги работают вначале на очистке города от развалин, потом приобретают специальность, кто штукатура, кто каменщика. Растет город, залечиваются раны, нанесенные войной, меняется и положение людей, строящих его. Аня, Люда, Ольга — передовики труда — переходят на комсомольскую и партийную работу.

В своей повести Е. Герасимов высказывает правильные мысли, описывает достоверные факты, и все-таки его произведение не вызывает душевного волнения. Название «В Сталинграде» ко многому обязывает. В повести, носящей такое заглавие, хотелось бы почувствовать ту особую атмосферу, которая вдохновляла людей, работавших на восстановлении Сталинграда.

Как это ни удивительно, но в повести о Сталинграде нет образов защитников города, нет и коренных сталинградцев, словно комсомольцы приехали на пустое место. А ведь сталинградцы первыми взялись за восстановление города, стоит только вспомнить замечательное черкасовское движение! Чуть ли не единственный представитель местного населения Сан Саныч бледной тенью проходит по страницам повести.

Лишив свою повесть характерных черт места и времени, автор лишил ее и значимости, обеднил свое произведение.

После первых удачных, жизненно достоверных страниц, где описаны приезд комсомольцев в Сталинград, борьба с трудностями, колебания и победа главной героини над собственной слабостью, повесть о восстановителях Сталинграда превращается в историю их личной жизни и быстрого продвижения по общественной лестнице. Эта подмена внутреннего роста героя повышением его общественного положения — недостаток, свойственный, к сожалению, не одной только книге Е. Герасимова.

Скороговоркой, сумбурно рассказано о работе Ани и Люды в райкоме комсомола. Мы узнаем, что «одни лозунги сменялись другими», что было «немало этапов и поворотов» в их работе, но не видим самой жизни райкома комсомола ни на одном из этих этапов. Видимо, это была не работа, а заседательская суетня, хотя автор таких выводов не делает.

Но вот работу райкома раскритиковали в пух и прах на пленуме горкома комсомола: погрязли в текучке, отстали от жизни, не замечают нового, не учатся... Какое действие возымела первая крупная неудача на судьбу героев? «Бывают же такие повороты!» — глубокомысленно изрекает Аня Чурилина, повествуя об этом событии, обрушившемся на нее, «как гром в ясном небе». «Петя... переругался со всеми — и в горкоме и в обкоме»,— сообщает она. Аня «тоже погорячилась». «Только одна Люда сохранила спокойствие, и только она одна из нас осталась в райкоме...»

«Поворот» оказался поворотом опять только в служебном положении героев. В их сознании справедливая критика следов не оставила.

В повести Е. Герасимова много событий, но, увлекшись ими, автор забыл о внутреннем мире своих героев. Персонажи повести энергично действуют, но автор не разрешает им задуматься, помечтать, лишает их той поэзии, которой обычно овеяны думы и мечты молодежи.

Нам думается, что автору повести «В Сталинграде» нужно было серьезно поработать, чтобы оправдать ее заглавие.

А. ДИРИНГЕРОВА

...отвести глаз от пончиков. Они лежали целыми грудами, освещенные газовыми рожками. Мать объяснила ему, что пончики жарились на конском сале, но это нисколько на него не подействовало—ведь Жужу любил лошадей, и они были милы ему в любом виде». Сколько здесь горькой боли за прачку Анжель, которая и в праздничный день не может побаловать сына гостинцем. Как хорошо, с какой теплотой, в двух-трех словах воссоздает автор переживания маленького Жужу — и в этот момент и затем, когда он, миновав лотки с пончиками, смотрит на земляные орехи и вспоминает, что «однажды пробовал их».

Роман Пьера Гамарра, несомненно, будет тепло встречен читателями. Он расширяет наше представление о французской прогрессивной литературе и является убедительным примером ее многообразия.

Н. РАЗГОВОРОВ

...ми». И если военные действия, в конце концов, развернулись, то это произошло не потому, что Леону удалось сколотить смешанную «европейскую армию»,—просто ребята бросили жребий, и группе мальчиков волей-неволей пришлось взять на себя роль «оккупантов».

Маленькому Жужу не повезло. Леон, командир «партизан», захватил его в плен на чердаке. На том самом чердаке, где во время войны гестаповцы арестовали старика Ребуля. Его портрет висит теперь в зале, где происходят собрания коммунистов рабочего квартала Тулузы. Под портретом надпись:

ПОЛЬ РЕБУЛЬ,
герой движения Сопротивления,
родился 14 апреля 1889 года,
убит в Маутхаузене в 1944 году

Так в описании детской игры, в картинах, воскрешающих недавнее прошлое, начинает звучать на первых же страницах книги ее главная тема: люди и война, судьба Франции и судьбы французов.

Не будем пересказывать содержание книги, не будем знакомить читателя с ее героями, пусть он сам, читая роман, познакомится и с матерью маленького Жужу, прачкой Анжель, муж которой погиб на войне, и с Ирэн, дочерью Ноля Ребуля, и с коммунистом Жаком Рамоном, рабочим-металлистом, отцом Леона, и со стариком Гурманденом, существующим на нищенскую пенсию, и с сапожником Руажем, чей молоток с раннего утра стучит в одной из каморок ветхого дома предместья Тулузы, где происходит действие романа.

Знакомство это могло бы состояться много раньше. Книжка Пьера Гамарра вышла в Париже в 1950 году. Издание ее на русском языке непомерно затянулось. За это время писатель выпустил во Франции три новые книги: «Женщина и река», «Сирень Сен-Лазара» и «Розали Брусс».

Новые романы Пьера Гамарра свидетельствуют о его быстром творческом росте, и особенно отрадно, что писатель сохраняет присущую ему своеобразную манеру повествования, позволившую французскому критику Андрэ Вюрмсеру в свое время назвать роман «Дети нищеты» «поэтической рапсодией».

Действительно, сильной стороной дарования Пьера Гамарра является теплота и задушевность его писательской интонации, то патетически взволнованной, то окрашенной мягким юмором.

Вчитайтесь в эти строки: «Жужу не мог

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 45 15 апреля 1954 г. 3

По Индии

Рашид БЕЙБУТОВ

ФОТООЧЕРК

Полтора месяца провела в Индии делегация советских мастеров искусств. За это время участники делегации дали много концертов в Дели, Бомбее, Мадрасе, Калькутте, Бангалоре и ряде других городов Индии. Сотни тысяч зрителей тепло приветствовали советских артистов, чье высокое мастерство было отмечено также индийской прессой.

Эта поездка, встречи и беседы членов делегации с многими представителями индийской общественности в значительной мере способствовали дальнейшему развитию и укреплению дружеских связей между народами Индии и Советского Союза.

Сегодня мы помещаем снимки, сделанные одним из участников делегации — народным артистом Азербайджанской ССР Рашидом Бейбутовым.

Дворец магараджи в городе Майсоре, иллюминированный в честь делегации советских артистов.

Советские мастера искусств на одном из приемов в Мадрасе. Слоны празднично разукрашены по случаю приезда гостей (верхний снимок). На одной из железнодорожных станций между Хайдерабадом и Бангалором собрались местные жители, чтобы встретить советских артистов (снимок справа).

Выступления советских исполнителей пользовались огромным успехом. Вот толпа, собравшаяся на улице, слушает радиотрансляцию одного из концертов (верхний снимок). Справа: художник Барада Укил, вице-председатель делийского отделения Индийско-советского общества культурных связей.

Этот снимок сделан в Нью-Дели. Благодарные зрители преподнесли участникам концерта гирлянды и букеты цветов.

За время пребывания в Индии советские артисты с большим интересом ознакомились с бытом страны и с многими памятниками индийской культуры.

На снимках, расположенных сверху вниз: храм в городе Мадрасе; арка над входом в один из пещерных храмов Аджанты (эти храмы находятся в каменных пещерах, украшенных интереснейшими фресками, барельефами и статуями); на фоне гробницы Тадж-Махал советские артисты сфотографировались с группой индийских студентов (Тадж-Махал — гробница из белоснежного мрамора в Агре, построенная в семнадцатом столетии шахом Джаханом для его жены Мумтаз Махал; с четырех сторон гробницы — высокие минареты); большой известностью пользуется замечательный музыкант Свамиджи (город Хайдерабад); скульптурная группа, высеченная на скале близ Мадраса, воссоздает одну из сцен народного индийского эпоса Махабхарата; такими пальмовыми аллеями обрамлены дороги на юге Индии.

В Индии много одаренных артистов, выступающих в различных жанрах. Большой популярностью пользуются народные танцоры, певцы и музыканты, виртуозно играющие на самых разнообразных инструментах. На верхнем снимке: известный поэт и музыкант Б. Девендраппа, играющий на пиалах, выступает в одном из театров Бангалора. В Бомбее в честь советских артистов был устроен большой концерт. Огромное впечатление произвела на гостей прекрасная танцовщица и киноактриса Ситара, исполнявшая изумительные по красоте и выразительности танцы (снимок справа).

А. БЕЛЬСКАЯ

УЛОВКИ ВРАГОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Известно, что советские предложения о создании действенной системы коллективной безопасности встречают все более широкий отклик в Англии. Миллионы простых людей справедливо видят в них надежную гарантию против возрождения германского милитаризма.

Это обстоятельство повергает в смятение адвокатов «европейской армии». Американские контрагенты в Англии хотели бы представить дело так, словно Европа вовсе не нуждается в договоре о коллективной безопасности. Аргументировать подобные утверждения можно только чудовищной ложью. Они так и делают, заявляя, будто никакого возрождения германского милитаризма нет и в помине.

Однако в этот стройный хор покровителей боннских реваншистов недавно ворвалась диссонирующая нота. Мы имеем в виду корреспонденции Сефтона Делмера в английской буржуазной газете «Дейли экспресс».

Реакция на появление этих корреспонденций была весьма бурной. Член английского парламента лорд Пакенхэм потребовал в палате лордов, чтобы Сефтон Делмер был отозван из Западной Германии, где он находится. По его словам, корреспонденции Сефтона Делмера «опасны» и «наивны».

Что же не понравилось лорду Пакенхэму? Обратимся к его высказываниям по этому поводу. «Ни один добросовестный человек, — сказал Пакенхэм, — который побывал недавно в Германии и имел возможность встречаться с различными людьми, не станет говорить, что генералы вернулись на прежние посты, а нацисты снова приходят к власти».

Но Сефтон Делмер иного мнения о том, что происходит в Западной Германии. И поэтому лорд Пакенхэм, один из сторонников создания «европейской армии», считает, что самое правильное—заставить его замолчать.

Сефтон Делмер — буржуазный журналист. Он провел несколько лет в Германии, приехав туда впервые в 1927 году — через девять лет после окончания первой мировой войны. Сейчас — через девять лет после разгрома гитлеровской Германии — редакция «Дейли экспресс» вновь послала его в эту страну. Делмер далек от прогрессивных взглядов. Он не прочь даже повторить некоторые измышления реакционной пропаганды по адресу Германской Демократической Республики. Однако судьбы Европы тревожат Делмера, здравый смысл говорит ему, что возрождение германского милитаризма угрожает миру и безопасности европейских стран.

«Да, я снова здесь, спустя всего лишь девять лет после самоубийства Гитлера и катастрофического военного поражения милитаристской Германии, — пишет он.— И я обнаруживаю многие из тех же волнующих симптомов и предзнаменований, о которых мне пришлось писать в конце двадцатых и начале тридцатых годов...».

Делмер рассказывает о жестокой чистке в боннском «рейхе». Из государственных учреждений, редакций газет и радио изгоняют всех, кто когда-либо имел отношение к антифашистскому движению. По словам Делмера, поспешная демилитаризация «уже возвратила огромную тайную мощь той же клике милитаристов и промышленников, которая несет ответственность за опустошительные агрессивные войны Бисмарка, кайзера и Гитлера... Думая о прошлом, они не жалеют ни о чем, кроме своего поражения и ошибок в стратегии и руководстве, которые привели к этому поражению. Не может быть более яркого свидетельства силы поднимающегося милитаризма, нежели демонстративное пренебрежение к Потсдамскому соглашению, выражающееся в открытом возрождении организаций бывших военнослужащих в Западной Германии».

Военные и полувоенные организации, созданные в гитлеровской Германии, по свидетельству Делмера, вновь вернулись к жизни.

Делмер с тревогой пишет о все усиливающемся потоке милитаристской литературы. Основной тезис милитаристской пропаганды—это утверждение, что Германия призвана руководить Европой и выполнит эту миссию при помощи своих армий...

Английский корреспондент разоблачает деятельность шпионской организации Гелена, приобретающей все большее и большее влияние в Западной Германии. Он напоминает о том, как во время одного процесса в Карлсруэ судья обнаружил материал, подтверждающий, что в Западной Германии фактически возрождается гестапо. Судья помчался в Бонн и запросил инструкций. Какой ответ дали боннские власти? Они убрали судью, как неподходящего для разбора дела...

Делмер описывает свою встречу с Гансом Глобке — одним из главных сообщников Гелена. Глобке, в прошлом крупный чиновник гитлеровского министерства внутренних дел, связанный с гестапо, прямо заявил, что как только войдут в силу боннский и парижский военные договоры, организация Гелена перейдет под контроль боннского правительства. «А до тех пор, — цинично сказал Глобке Делмеру, — мы должны продолжать нынешний камуфляж»...

Делмер убедился в том, что видные посты в аденауэровском «правительстве» заняты крупными фашистами. Среди них — Теодор Оберлендер, который был начальником гитлеровских штурмовых отрядов в Восточной Пруссии; Вальдемар Крафт — бывший полковник войск «СС»; Виктор Пройскер—чиновник нацистской охранки, получивший от Гитлера похвальную грамоту. «И разумеется, — пишет Делмер, — эти крупные фашисты в аденауэровском кабинете заполнили свои министерства более мелкими нацистами».

Надо думать, лорду Пакенхэму — известному в Англии специалисту по германским делам—и другим сторонникам перевооружения Западной Германии достаточно хорошо известны факты, приведенные Делмером. Однако в их планы, разумеется, не входит ознакомление с ними широких слоев общественности. Сторонников создания замкнутых военных группировок особенно тревожит то, что простые люди Англии видят сейчас реальную возможность помешать возрождению германского милитаризма путем создания действенной системы коллективной безопасности в Европе.

Сейчас, после опубликования советского проекта «Общеевропейского Договора о коллективной безопасности в Европе» и ноты Советского правительства от 31 марта, сторонники «европейской армии» оказались в особенно трудном положении.

Широкие народные массы требуют отказа от политики возрождения германского милитаризма, создания действенной системы коллективной безопасности, ослабления международной напряженности. И адвокаты «европейской армии» из кожи вон лезут, чтобы обмануть английское общественное мнение, убедить англичан, что им ничего не грозит, а следовательно, коллективная безопасность не должна их интересовать.

Разоблачения Сефтона Делмера мешают этой нечистой игре. Вот почему лорд Пакенхэм так недоволен корреспондентом «Дейли экспресс»!

ПРОВАЛ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИОННОЙ ЗАТЕИ

Приближение Женевского совещания явно не дает спать Ли Сын Ману — американской марионетке в Сеуле. Его воинственный азарт, подогреваемый Вашингтоном, все возрастает. Южнокорейскому «президенту» мерещатся воды реки Ялуцзян, он не перестает твердить о «походе на Север». В последние дни воинственность Ли Сын Мана проявилась в его новой агрессивной «идее». Он обратился к своим высоким покровителям за океаном с просьбой поручить американскому генералу Ван Флиту, известному кровавыми деяниями в Корее, возглавить некое объединение «всех антикоммунистических армий Азии».

В новых агрессивных замыслах Ли Сын Мана нетрудно усмотреть ту же политику, которую проводят накануне Женевского совещания определенные круги США. Разве лисынмановская «идея» антикоммунистического объединения армий под командованием Ван Флита не сродни известным планам Даллеса о так называемых «объединенных действиях» в Азии? На этот счет не может быть двух мнений.

Очередная провокационная возня, затеянная с таким шумом в Сеуле, едва ли принесет ее инспираторам что-нибудь, кроме очередного провала. Один из таких провалов, как известно из сообщений печати, произошел уже на днях. Речь идет о запланированной госдепартаментом США антикоммунистической конференции стран Азии. Ее намеревались созвать в Южной Корее, и непременно к началу Женевского совещания.

Эта демонстрация явно замышлялась «в пику» Женеве. С ее помощью собирались привлечь к участию в «антикоммунистическом блоке» Таиланд, Бирму, Индонезию, марионеточные правительства Патет-Лао и Кхмера, Филиппины, Малайю и даже... Индию. Но весьма скоро американским режиссерам стало ясно, что задуманная постановка не выйдет. Члены южнокорейской «миссии», объезжавшей страны Юго-Восточной Азии, чтобы завербовать участников конференции, вынуждены были отказаться от мысли посетить многие из названных стран. Почему же? Они, как писал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джорден, «имели указания на то, что правительства этих стран не интересуются их планом».

Дело в том, что реакция в странах Юго-Восточной Азии на новую попытку США сколотить тихоокеанский агрессивный союз была совершенно недвусмысленной. Представители подавляющего большинства приглашенных государств твердо заявили об отказе участвовать в этом позорном и опасном предприятии.

Последний удар по американской затее нанесло, как известно, правительство Таиланда. Оно официально объявило, что не желает принимать участия в конференции. После этого в числе предполагаемых участников остались лишь клики Чан Кай-ши, Ли Сын Мана и Бао Дая. Если конференция и открылась бы, она стала бы не больше, чем сборищем американских иждивенцев, не представляющих кого-либо в Азии, кроме самих себя. И как ни горек был этот финал для правящих кругов США, пришлось Ли Сын Ману объявить о том, что созыв антикоммунистической конференции переносится... на более позднее время.

Время покажет, удастся ли врагам азиатских народов вообще когда-либо осуществить эту провокационную затею. А пока что можно засвидетельствовать бесспорный факт — позорный провал американо-лисынмановской попытки воздвигнуть очередной барьер на пути к Женевскому совещанию.

Н. С.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Критики в мундирах капралов

С некоторых пор еженедельный листок гитлеровских недобитков «Дейче зольдатенцейтунг» воспылал интересом к писателям и художникам прошлого. На его страницах рядом со статьями об опыте применения фашистских танковых войск на полях Европы, рядом с панегириками в честь военных преступников, рядом с письмом, которое адресовал военному преступнику Кесельрингу боннский министр юстиции, рядом с инструктивной статьей о порядке отбора бывших офицеров для службы в будущем вермахте, рядом с трактатом о маршале Фоше, как «провозвестнике плана «Объединенной Европы» появляются статьи то о Фридрихе Геббеле, то о Луке Кранахе, то о Готтольде Эфраиме Лессинге...

Идеологи германской агрессивной военной доктрины от Фридриха II до Кейтеля никогда не относили общее образование к числу солдатских добродетелей. И, разумеется, не для того, чтобы освежить школьные познания своих постоянных читателей, обращается газета «Дейче зольдатенцейтунг» к истории немецкой культуры. Она преследует при этом куда более практические цели.

Немецкий писатель XVIII века Якоб Михаэль Рейнгольд Ленц изобразил в своей сатирической комедии «Солдаты» бесчинства германских ландскнехтов во Франции.

Когда один из театров Мюнхена показал эту комедию на своей сцене, «Дейче зольдатенцейтунг» почувствовала себя кровно оскорбленной.

«Какую пользу можем мы извлечь из этого?.. Что может здесь вызвать страх или сострадание? Эпоха ландскнехтов давно прошла...» — негодовал рецензент, показывая своим возмущением, как метко попала в современных ландскнехтов и их вербовщиков сатира, написанная два века назад.

Великий немецкий художник эпохи Возрождения Лука Кранах на страницах «Дейче зольдатенцейтунг» изображается поборником «европейской идеи» в том смысле, какой вкладывают в это понятие идеологи агрессивной «европейской армии».

Статья о Фридрихе Геббеле — талантливом драматурге прошлого века—становится поводом для реакционной проповеди. Из воспитательного арсенала иезуитов фашизм принял на вооружение принцип слепой покорности — «покорности трупа». В статье о Геббеле, в содержащихся в ней восторгах по поводу «принесения в жертву самых человеческих и самых естественных побуждений...» проповедь этого принципа лишь слегка терминологически замаскирована. Повторяются в ней и утверждения о нисходящем движении человечества и его культуры, о пагубности прогресса, которые были позаимствованы фашистскими идеологами у столпов реакционной западноевропейской философии. «Ни один из современников Геббеля,— пишет «Дейче зольдатенцейтунг», — не ощущал так, как Геббель, конвульсивную разорванность эпохи, которая, корчась в тяжелых внутренних кризисах, двигалась из состояния спокойствия и свободной уверенности к прогрессу и материализму».

Тирада и по стилю и по сути вполне во вкусе Шпенглера, автора «Заката Европы», или немилосердно списывавшего у него гитлеровского лейб-«теоретика» Альфреда Розенберга!

Самые кровавые преступления фашистские агрессоры всегда сопровождали проклятиями по адресу прогресса и материализма. Но «литературовед» из газеты боннских реваншистов не ограничивается простым повторением. Отлично зная, какими именно средствами устанавливали германские фашистские войска то «спокойствие», которое является антитезой прогресса, он заканчивает эссе о Геббеле косвенным оправданием военных преступников. Вот что говорится в его статье об одном из произведений Геббеля: «...трилогия «Нибелунги» стала последним выражением его воли и его судьбы: каждый, кто действует и убивает в этой могучей драме всемирных перемен,— невинен, несмотря на всю свою тяжелую вину, и прав в своей неправоте».

Основная мысль этого рассуждения — убийцы невиновны и правы.

Разумеется, при всей противоречивости, а порою и реакционности его взглядов, Фридриха Геббеля нельзя делать ответственным за такое использование его творчества. Ведь это он более ста лет назад бросил обвинение современному ему обществу:

Убийце убивать бывает мерзко,
Злодей подвержен совести укорам,
Но ты живешь, разбой узаконя...

«Дейче зольдатенцейтунг» ведет себя в немецкой литературе, как мародер на поле боя: пользуется беззащитностью мертвых, которые не могут оградить себя от их посягательств.

Если в статье о Геббеле звучат откровенно фашистские призывы, то статья о Лессинге, которая написана в тоне легкой салонной болтовни, неожиданном на страницах, заполненных фельдфебельским жаргоном и терминологией геббельсовских «пропагандистских рот», построена похитрее.

Рис. В. Фомичева

Лессинг, даже мертвый, страшен боннской военщине. Ведь он был неутомимым и мужественным критиком милитаристских порядков военно-полицейской монархии Фридриха II. Его комедия «Минна фон Барнхельм» — страстный призыв к миру, гневное обличение прусского милитаризма, утверждение средствами искусства мысли о единстве немецкого народа. Все творчество Лессинга звучит в наши дни более чем современно. И немецкий народ не забыл его антимилитаристической направленности. Именно поэтому «Дейче зольдатенцейтунг» старается изобразить великого писателя всего лишь чудаковатым острословом, неудачливым полемистом и мимоходом объявить забытыми его произведения.

...Западногерманские реваншисты распределили обязанности: одни набирают ландскнехтов, другие готовят для них снаряжение и вооружение, третьи пытаются приспособить классиков, чтобы освятить их именами свое черное дело. В литературоведческих швальнях Бонна кипит работа. Здесь срочно шьют военные мундиры, чтобы напялить их на великих писателей прошлого. Пигмеи суетятся вокруг великанов. А те презрительно отвечают им словами, которыми Лессинг заклеймил представителей современной ему прусской военщины, назвав их «подручными мясника».

Сергей ЛЬВОВ

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва, 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — В 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-18-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02046.